

Тайна воспоминаний

МАРИ АТИ

18+

Мари Ати

Тайна воспоминаний

«Автор»

2026

Ати М.

Тайна воспоминаний / М. Ати — «Автор», 2026

Семь лет назад Мари очнулась в больнице без воспоминаний о детстве. Авария, травма, амнезия — так ей объяснили. Она поверила. Пока в её антикварной лавке не появилась половина фотографии 1913 года. На снимке — мужчина, от одного взгляда на которого тело вспоминает то, чего не помнит разум. На обороте — предупреждение: «Не отдавай ему вторую половину». В Стамбуле Мари встречает его. Александр выглядит на двадцать лет старше неё. Дымчато-голубые глаза, стальной характер и нежность, которой не должно быть между незнакомцами. Он знает её имя. Она — каково это, оказаться в его руках. Между ними вспыхивает страсть, способная заглушить страх. Но история аварии рассыпается, люди исчезают, а кто-то готов убить, чтобы Мари не вспомнила правду. Кто из них на самом деле старше? Почему ей велели не доверять человеку, к которому тянется всё её существо? И что страшнее: узнать, кто украл твоё прошлое, — или вспомнить, зачем ты сама от него отказалась?

© Ати М., 2026

© Автор, 2026

Мари Ати

Тайна воспоминаний

Глава 1

Пролог

Константинополь, 6 ноября 1913 года

Фотограф попросил их не двигаться.

Второй раз.

В первый раз мужчина будто не услышал: повернул голову к переулку, откуда они пришли, и задержал взгляд на человеке, остановившемся у кофейни. Во второй женщина осторожно коснулась его локтя.

— Мы всё ещё фотографируемся.

— Я помню.

— По тебе незаметно.

Он посмотрел на неё, даже теперь с той настороженностью, от которой встречные охотно уступали ему дорогу. Потом взгляд смягчился на долю секунды, как мягчает лёд над тёплой водой.

Женщина улыбнулась и встала у перил.

Чугун был таким холодным, что ладонь сразу начала неметь. Перчатку она сняла нарочно: ей хотелось чувствовать что-нибудь настоящее, металл, ветер, соль на губах, чтобы удержать себя здесь, у воды, пока фотограф возится с аппаратом. Четыре пальца она расправила на перилах. Мизинец поджала: слишком больно.

Под пристанью плескалась вода. Между мокрыми досками застряла кожура мандарина; порыв ветра перевернул её, но не унёс. Неподальку рабочий затягивал верёвку вокруг ящика. С парохода кричали на трёх языках, передавая багаж.

Обычный день.

Она заставляла себя смотреть на эти простые вещи. Человек мог купить фрукт, съесть его, бросить кожуру и пойти дальше. Мог поссориться из-за чемодана. Опоздать на судно, махнуть рукой вслед уходящему борту и вечером жаловаться кому-нибудь на собственную невежучесть.

Ей хотелось иметь право на такую маленькую беду. Сердиться только на ветер, испортивший причёску.

— Руку чуть левее, сударыня, — сказал фотограф. — Да. Вот так. Господин, встаньте ближе к даме.

Мужчина подошёл.

Его плечо загордило её от ветра. Она почувствовала это раньше, чем повернула голову: ткань перестала хлестать по груди, край вуали опустился. Он всегда замечал такие вещи. Мог не ответить человеку, спросившему дорогу, мог отодвинуть чужой стул так, что обрывался разговор и оставались две злые пары глаз. Но стоило ей замёрзнуть, и он находил причину оказаться с той стороны, откуда дует.

Она знала, каким его считали. И знала, что эти люди порой бывали правы.

Но она знала и другого. Того, кто прошлой ночью, в тесной комнате над булочной, снимал с неё платье так медленно, что она первой потеряла терпение. Кто смеялся ей в ключицу, когда она ругалась на застёжки. Чьи ладони были шершавыми и горячими, а голос таким тихим, что она не столько слышала его, сколько чувствовала кожей. Она до сих пор помнила, как они лежали потом в темноте, переплетя ноги, и он выводил пальцем у неё на спине буквы, каждый раз одни и те же, ни разу не назвав слова вслух.

Сейчас на ней были шерсть, шёлк и три слоя приличий. Но тело помнило всё и отзывалось так, словно между ними не осталось ни ткани, ни людей, ни холодного ветра.

— Вы сейчас уйдёте из кадра, — предупредил фотограф.

Мужчина снова смотрел в переулок.

Там продавец газет выкрикивал новости. Мальчишка с корзиной уворачивался от прохожих. Двое спорили у кофейни; тот, за кем наблюдал Александр, наконец поднял чашку и вернулся за столик.

Опасности не было видно.

От этого спокойнее не становилось.

Под подкладкой её пальто лежала небольшая книга. Угол переплёта упирался в бок всякий раз, когда она дышала глубже. За последние полчаса она раз десять проверила, на месте ли книга, и каждый раз боялась, что он заметит. Рядом с ним невозможно было скрыть дрожь. Он замечал слишком многое.

— Александр.

Он сразу перевёл взгляд на неё.

Она любила эту короткую перемену. Только что он смотрел мимо, считал выходы, оценивал руки незнакомцев. Теперь видел её. Дымчато-голубые глаза оставались холодными на свету, но взгляд становился внимательным совсем по-другому: тёплым, тяжёлым, почти осязаемым.

— У тебя пальцы замёрзли.

— Это можно пережить.

— Надень перчатку.

— После снимка.

Он хотел возразить. Она видела это по движению челюсти.

— Только сейчас, — попросила женщина. — Побудь со мной только сейчас.

Он взглянул на аппарат, потом снова на неё.

— Я здесь.

Она крепче сжала его локоть.

— Тогда посмотри на меня.

Ветер приподнял край вуали. Александр придержал тонкую ткань и осторожно убрал её с лица. Пальцы задела щеку, мимолётно, почти случайно, а потом большой палец медленно провёл по её нижней губе.

Она перестала улыбаться.

Рядом с ним такое случалось постоянно: достаточно было простого прикосновения, чтобы звуки отступили. Она могла сердиться, спорить, собираться сказать что-нибудь колкое. А потом он касался её, и приходилось заново вспоминать, зачем между ними оставлено расстояние. Низ живота налился тёплой тяжестью, и она почувствовала, как предательски приоткрылись губы.

— Что? — спросил он.

— Ничего.

Он не поверил.

Она наклонилась и прижалась губами к его пальцам. Холодным, солёным, пахнущим табаком и мылом.

Его взгляд изменился.

— Ты выбрала неподходящее место.

— Для фотографии?

— Для этого.

Он сказал тихо, но от этих слов ей стало тепло, даже промёрзшим рукам.

— Тогда не отвлекай фотографа.

Александр смотрел на неё ещё несколько секунд. В лице держалась привычная сдержанность, а за ней было то, что она знала слишком хорошо: он хотел притянуть её к себе, закрыть ладонью затылок, убрать ветер, людей, весь причал, всё, что стояло между ними и возможностью остаться вдвоём. Хотел обнять так, чтобы она почувствовала каждую пуговицу его пальто.

Она хотела того же. Почти до боли.

В другой день они ушли бы. Он нашёл бы экипаж, она смеялась бы над его нетерпением, а потом сама попросила бы кучера не задерживаться. Они едва успели бы закрыть за собой дверь, и всё началось бы у стены, в тёмной прихожей, жадно и слепо, пока шпильки одна за другой падали на пол.

Но под пальто упирался в бок чужой переплёт.

Она не могла уйти.

— Прошу вас, — вмешался фотограф. — Мне нужен всего один спокойный миг.

Он высунул голову из-под чёрного полотна и устало вздохнул. Края пальто потемнели от влаги, шнурок на правом ботинке развязался. Он взял двойную плату за работу на ветру и уже жалел об этом.

Женщина посмотрела на ботинок.

— Вы сейчас наступите на шнурок.

Фотограф опустил голову, выругался под нос и присел.

Александр коротко выдохнул.

Она повернулась к нему.

— Что смешного?

— Ничего.

— Ты смеёшься.

— Ещё нет.

— Тогда попробуй. Вдруг тебе понравится.

Его рот дрогнул.

Она ждала, не отводя глаз.

— Ты невозможная, — сказал он.

— А ты слишком серьёзный для человека, которого сейчас сохраняют на память.

Александр улыбнулся.

Всего на несколько секунд.

Улыбка изменила его лицо так сильно, что женщина невольно рассмеялась. Он стал ближе: не спокойнее, не безопаснее, просто ближе. Человеком, у которого тоже могло быть что-то кроме вечной готовности защищаться.

Она забыла о книге. О том, кого ждала. О переулке, куда он снова посмотрит через мгновение.

Фотограф торопливо вернулся к аппарату.

— Вот так. Не двигайтесь.

Александр смотрел на неё.

Затвор сработал.

Позже она будет искать именно этот миг: свой смех, его улыбку, руку на холодных перилах. Не начало чего-нибудь и не обещание будущего. Несколько секунд, в которые они принадлежали только себе.

— Готово, — сказал фотограф. — Отпечаток пришлю завтра. Адрес, который вы назвали?

Женщина кивнула прежде, чем Александр успел ответить.

Он заметил.

Но пока ничего не сказал.

Она надела перчатку. Пальцы плохо слушались, ткань зацепилась за кольцо. Александр осторожно расправил её, провёл ладонью по запястью.

— Ты вся холодная.

— Здесь ноябрь.

— Дело не только в ноябре.

Она подняла на него глаза.

Он стоял совсем близко. Достаточно было наклониться, и она коснулась бы его рта. Она знала, как он ответит: сначала замрёт, потом притянет её так, словно все силы, что он держал в себе, наконец получили направление.

Но сейчас ей хотелось другого. Продлить секунду, в которой он ещё не задал вопрос.

Александр убрал выбившуюся прядь под край шляпы.

— Мы уезжаем, — сказал он.

Она молчала.

— Ты слышишь?

— Да.

— Тогда идём.

Фотограф кашлянул. Александр обернулся и протянул ему деньги. На правом мизинце белела тонкая полоска; женщина поймала себя на том, что смотрит на неё, хотя видела тысячу раз.

Ей вдруг захотелось запомнить всё. Складку на рукаве. Мокрый край пальто. То, как он отдал монеты, не считая, и тут же снова оказался рядом.

Так не запоминают обычный день.

Фотограф поблагодарил и занялся аппаратом. Женщина оглядела причал.

Рабочий закончил с ящиком. Мальчишка с корзиной исчез в переулке. У самого края пристани стоял мужчина, почти скрытый перилами. Он смотрел вниз, под настил, и не поднимал головы.

Она увидела его и позволила себе один свободный вдох.

Мужчина на мгновение коснулся двумя пальцами края шляпы, так поправляют головной убор, и снова склонился над водой. Знак. Всё готово.

Александр проследил за её взглядом.

— Кого ты ждёшь?

— Никого.

Он не ответил.

Это молчание оказалось хуже вопроса.

Она уже открыла рот, собираясь сказать правду, когда у дальнего входа в переулок показались двое.

Один нёс свёрнутую газету.

Второй держал руку под полрой пальто.

Между ними и пристанью проходили люди, проезжала тележка, хлопала на ветру вывеска кофейни. Мужчины не торопились. Им не нужно было искать глазами: они шли прямо к фотографу, чёрному полотну и женщине у перил.

Она почувствовала, как пальцы Александра сомкнулись вокруг её руки.

Он ещё не обернулся. Заметил по ней.

— Он нашёл нас, — сказала она.

Александр не обернулся. Только посмотрел на проход между ящиками.

— Идём.

— Не к лодке. На лодке ждут.

Его рука застыла.

— Откуда ты знаешь?

Женщина посмотрела на мужчину у края пристани. Он продолжал стоять, склонившись над перилами. С их места не было видно его лица.

— Посмотри на меня, — сказал Александр.

Она повернулась.

Он ждал.

Перед тем как ответить, она успела представить другой разговор. Сейчас скажет, что ошиблась, что испугалась пустяка. Он выведет её с пристани. Они найдут другое судно. Доберутся до комнаты, где можно запереть дверь, и она положит голову ему на плечо. Он будет целовать её волосы, а она делать вид, что засыпает.

Книга останется у неё.

И всё останется как было.

Она слишком долго молчала.

Александр смотрел ей в лицо, и она увидела, как из его глаз уходит только что родившееся счастье.

— Мари. Что ты сделала?

Её имя прозвучало негромко. Без обвинения, пока ещё.

От этого отвечать было труднее.

— То, что должна была сделать раньше.

Он опустил взгляд. Заметил, как она прижимает локоть к боку, пряча выступающий угол под пальто.

— Что у тебя?

Мари не ответила.

Александр на мгновение закрыл глаза. Когда открыл, смотрел уже совсем иначе.

— Ты назначила встречу.

Она кивнула.

— Здесь.

Ещё один кивок.

Он посмотрел на человека у перил. Тот наконец поднял голову, увидел приближающихся мужчин и отступил от края.

— Почему ты не сказала мне?

Мари почувствовала, как в груди собирается злость. На себя, на него, на то, что отвечать приходится теперь, когда времени почти не осталось.

— Ты бы увёз меня.

— Да.

Он не стал притворяться, что это не так.

Мужчина с газетой обошёл тележку. Второй остановился, пропуская женщину с ребёнком. Та раздражённо поправила корзину и прошла между ними, даже не подняв головы.

Мари смотрела на ребёнка. На его маленькую руку, вцепившуюся в край материнского пальто.

Александр потянулся к внутреннему карману.

Она перехватила его запястье.

— Здесь люди.

— Тогда ему следовало прислать меньше людей.

Голос был ровным. Мари знала эту ровность: ещё немного, и он перестанет замечать всё, кроме того, что нужно сломать, чтобы довести её до выхода.

— Послушай меня.

Он посмотрел на её руку, удерживавшую его, потом на лицо.

— Мы поговорим, когда уйдём отсюда.

— Нет. Сейчас.

Он сжал челюсть.

Мари шагнула ближе. Встала так, чтобы он видел её, а не переулок. Рука в перчатке лежала на его запястье; второй она коснулась лацкана пальто. Сквозь шерсть билось его сердце, быстро, неровно, совсем не так, как должно биться у человека, которого боялись на причалах.

— Если однажды я тебя не узнаю, не напоминай мне, что я обещала.

Александр перестал двигаться.

— Что ты сказала?

— Ты слышал.

Он смотрел на неё с таким напряжением, будто пытался удержать не лицо, а смысл произнесённых слов.

— Не говори этого.

— Мне нужно, чтобы ты услышал.

— Я слышу.

— Тогда не заставляй меня возвращаться только потому, что когда-то я была с тобой.

Он разозлился так, как злился всегда, когда боялся за неё: лицо застыло, голос стал совершенно тихим.

— Ты никуда не исчезнешь.

Мари провела большим пальцем по ткани его пальто. Под ладонью чувствовалось тепло. Вот что оказалось труднее всего: говорить о возможной утрате, когда человек стоит рядом, живой, доступный для самого простого прикосновения.

Она хотела обнять его. Хотела прижаться губами к его шее, туда, где пульсировала жилка, и забыть обо всём на свете. Хотела, чтобы он хоть раз не оказался сильнее её страха и не пообещал ничего невозможного.

Фотограф поднял аппарат со штатива. На мгновение чёрное полотно заслонило переулок.

Потом опустилось.

Мужчины были ближе.

Мужчина с газетой перестал смотреть на её лицо. Его взгляд задержался на руке Мари, прижатой к боку.

Александр заметил и это.

Он чуть повернулся, закрывая её плечом. Мари удержала его за рукав.

— Обещай другое.

Из часов на соседнем доме донёсся первый удар.

Александр смотрел ей в глаза.

— Что?

— Дай мне выбрать тебя самой.

Второй удар прокатился над водой.

Она увидела, как дрогнуло его лицо. Как он хотел ответить, но не нашёл сразу ни одного слова, которое можно было произнести честно.

Мужчина у перил сделал шаг к ним.

Третий удар.

Под полой чужого пальто блеснул металл.

Первый выстрел заглушил последний удар часов.

Глава 1. Половина человека

Через семь лет после больницы Мари обнаружила, что умеет заряжать револьвер.

Это случилось во вторник, в половине пятого, между покупательницей, искавшей подарок свекрови, и доставкой бумажных пакетов.

Покупательница долго выбирала серебряную сахарницу, потом спросила, нельзя ли убрать с неё чужие инициалы.

— Они принадлежат первым владельцам, — объяснила Мари.

— Но подарок должен быть личным.

Мари взглянула на две переплетённые буквы. Кто-то когда-то заказал их гравёру, подержал новую вещь на ладони, подарил человеку, имени которого теперь никто не знал.

— Можно подобрать сахарницу без монограммы.

— Мне нравится эта.

На мгновение Мари захотелось спросить, почему чужую жизнь так легко считать лишней деталью. Вместо этого она улыбнулась, достала другую коробку и положила перед посетительницей похожую сахарницу.

— Тогда сравните обе.

Она умела разговаривать мягко даже в те минуты, когда внутри уже начинала спорить. Люди принимали это за уступчивость. Ника, работавшая у неё второй год, давно перестала путать одно с другим.

Покупательница ушла ни с чем: обещала вернуться завтра. Следом появился мужчина из театральной мастерской, принёс деревянный ящик, попросил расписаться и оставил на половике мокрые следы.

В ящике лежали треснувшие бинокли, перчатки с пожелтевшими пуговицами, латунная пряжка и револьвер. На рукояти потемнело дерево; надпиленный барабан делал оружие негодным для стрельбы. К нему прикрепили бирку с актом деактивации.

Мари прочитала бирку, взяла револьвер, чтобы проверить клеймо, и больше не успела ничего решить.

Рука сама повернула его нужной стороной. Большой палец нашёл защёлку. Другая ладонь легла под барабан — уверенно, точно зная, что должна принять.

Щелчок прозвучал негромко.

Мари резко подняла голову.

В лавке всё оставалось на месте: за стеклом ползли зонты, Ника сверяла накладную, на старом комодe мерно тикали часы. Однако на какую-то долю секунды Мари оказалась уверена, что сейчас погаснет свет и нужно будет действовать быстрее.

Она не знала, что именно делать.

Пальцы знали.

Мари осторожно положила револьвер на стол. Подушечки пальцев всё ещё помнили сопротивление металла. Ей было не страшно держать оружие — и именно это испугало сильнее всего.

— Реквизит, — сказала Ника, не поднимая головы. — Если клиент спросит, никого из него не убивали. По крайней мере, в нашей постановке.

Мари попыталась улыбнуться.

— Ты раньше держала такой?

— В руках? Нет. А что?

— Ничего.

Ника наконец посмотрела на неё. Карандаш замер над бумагой.

— Мари.

— Я просто... — Она провела ладонью по краю стола. — Не думала, что он так открывается.

Ника перевела взгляд на револьвер, затем на её руки. Лицо у неё изменилось совсем немного: ушла насмешливая готовность что-нибудь ответить.

— Опять?

Мари кивнула.

Слово было удобным. В него помещалось всё, для чего они до сих пор не нашли нормального названия.

Однажды Мари поняла французскую фразу раньше, чем покупатель перевёл её на русский. В другой раз завязала сложный узел, понадобившийся для упаковки зеркала, хотя на обычных шнурках иногда делала две петли, чтобы не развязались. Она знала, чем нельзя чистить старое серебро. Знала, как взяться за хрупкую чашку, где искать скрытый дефект в раме, как удержать руку человека, порезавшегося стеклом.

Всё это приходило без объяснений. Как будто кто-то оставил ей подробные инструкции, убрав из них имя автора.

Но прежде её тело не вспоминало оружие.

— Убрать его? — спросила Ника.

Мари хотела сказать «да», а вместо этого ответила:

— Сначала надо проверить документы на весь ящик.

— Проверю. А тебе принесу кофе.

— Не надо.

— Тогда воды.

Ника не стала спорить. Отошла к маленькой кухне за занавеской, и Мари услышала, как ударился о раковину стакан.

Она посмотрела на свои руки.

Тонкие пальцы, короткие ногти, маленький белый шрам на запястье. Эти руки она знала семь лет. Они прикручивали полки, заполняли заявления, обжигались о противень. Однажды дрожали так сильно, что она не смогла набрать номер телефона.

А до этого?

Кого они касались? Кому принадлежали те движения, которые возвращались без разрешения? И почему от знакомого щелчка ей захотелось оглянуться на дверь?

Мари убрала с лица выбившуюся тёмную прядь, сняла с соседней полки мягкую салфетку и накрыла револьвер.

В больнице ей объясняли, что процедурная память часто переживает утрату личных воспоминаний. Человек может забыть своё имя, но продолжать играть на пианино. Не узнавать дом и при этом помнить дорогу к выключателю.

Мари слушала эти объяснения, сидя на кровати, и пыталась понять, почему слово «мама» не вызывает в ней ничего.

Врач говорил про травму, про последствия аварии, про время. Рядом лежала её выписка. Двадцать лет. Амнезия. Прогноз осторожный.

Она спрашивала, кто сидел с ней в машине.

Ей отвечали, что она была одна.

Спрашивала, куда ехала.

Ей предлагали пока не утомляться.

В первые дни Мари даже не понимала, на каком вопросе следует настаивать. Чужие слова были единственной опорой, и она цеплялась за них с такой благодарностью, которую теперь стыдилась вспоминать.

Потом ей выдали документы. Рассказали о квартире, доставшейся от тёти. Объяснили, какие лекарства принимать и куда обращаться, если усилятся головные боли.

Никто не пришёл забрать её домой.

Мари долго представляла эту сцену: в дверях появится человек, который не станет спрашивать, как она себя чувствует, а назовёт её так, что она сразу поймёт — вот он, тот, кто знает. Человек принесёт любимую кофту, скажет, что дома остыл ужин, обнимет привычным движением.

В последний день медсестра помогла ей застегнуть новую куртку.

Мари поблагодарила её и ушла одна.

— Воду хотя бы выпей, — сказала Ника.

Стакан появился у самого локтя. Мари взяла его обеими руками.

— Спасибо.

— Тот театральный сказал, что за остатками реквизита приедут в четверг. Я оставлю этот в ящике. Хорошо?

— Хорошо.

Ника вернулась к накладной. Она была одним из немногих людей, которые не пытались превратить жизнь Мари в интересную историю.

Лавка «После дождя» занимала первый этаж старого петербургского дома. В комнате с низким потолком пахло древесным воском, шерстью мокрых пальто и кофе, который Ника варила преступно крепким. Подоконник зимой подмерзал, а над дверью висел колокольчик с трещиной: вместо чистого звона получалось два коротких хриплых удара.

Мари отказалась его менять.

Ей нравилось, что посетитель слышал именно этот звук и потом узнавал его, возвращаясь.

Она открыла лавку три года назад на деньги от продажи квартиры. По документам, квартира принадлежала ей ещё до больницы. Тётя, оставившая наследство, к тому времени давно умерла. Фотографий не сохранилось.

Мари проверяла эту историю.

Сначала осторожно: ей казалось невежливым подозревать людей, которые помогли ей начать всё заново. Потом настойчивее. Писала запросы, ездила по архивам, пыталась найти хотя бы один снимок, где стояла бы среди других детей.

В детском доме, указанном в справке, её не числилось.

Другая справка направляла в учреждение, которое уже закрылось.

Человек с вкрадчивым голосом взял аванс, а через месяц вернул деньги. Он сказал, что дальнейшие поиски потребуют затрат, несопоставимых с результатом. Мари спросила, был ли хоть какой-нибудь результат. Человек перестал смотреть ей в глаза.

Некоторое время она собирала ответы в папку. Потом перестала её открывать.

Каждый день, потраченный на поиски, заканчивался одинаково: вечером она не знала о себе ничего нового, зато хорошо помнила, как ей снова отказали.

Врач посоветовала не превращать отсутствие прошлого в единственное занятие настоящего.

Мари тогда разозлилась так, что вышла из кабинета, не попрощавшись. На улице расплакалась, села на мокрую скамейку и долго не могла встать.

Через неделю увидела объявление о продаже помещения.

Её привлекла витрина. Старая, с неровным стеклом, через которое улица выглядела чуть искажённой. Она стояла перед ней и представляла лампу, книги, фарфоровую собаку на полке. Впервые за долгое время думала о том, что могла сделать сама.

Так появилась лавка.

Здесь у каждой вещи находилось прошлое: клеймо, подпись, почерк, след ремонта. Даже самая потёртая шкатулка могла сохранить то, чего не осталось у её хозяйки, — доказательство, что однажды она была частью чьей-то жизни.

К вечеру дождь усилился. Люди проходили мимо витрины, прикрывая лица ладонями. Пришла доставка пакетов, за ней — постоянный покупатель, забравший настольную лампу. Мари проверила провод, объяснила, как менять абажур, нашла подходящую коробку.

Она улыбалась, отвечала на вопросы и ловила себя на том, что всё время прислушивается к двери.

В половине седьмого Ника в третий раз посмотрела на телефон.

— Иди уже, — сказала Мари.

— До закрытия ещё полчаса.

— Лавка переживёт. А вот кавалер, которого заставляют ждать, может и не пережить.

— Он пишет, что забронировал стол.

— Значит, есть кому постеречь твою сумку, пока ты будешь выяснять, приличный ли он.

Ника засмеялась, достала из шкафчика пальто, затем замерла с одной рукой в рукаве.

— Ты точно в порядке?

Мари могла бы ответить правду: после истории с револьвером ей хотелось уйти домой, закрыть дверь и не касаться ничего чужого. Но домой было идти хуже. Там никто не прерывал её мысли.

— Я разберу посылку из Стамбула и уйду. Курьер обещал до восьми.

— Напиши мне, когда доберёшься.

— Не буду мешать.

— Если он испугается сообщения от моей начальницы, я хочу знать это до десерта.

Ника положила на стол булочку, накрыла её чашкой, чтобы не высохла, и ушла. Колокольчик над дверью стукнул дважды.

В семь Мари перевернула табличку на стекле.

За занавеской тихо гудел холодильник. Старые часы отстукивали секунды, и впервые за день их стало слышно отчётливо. Лавка сразу показалась больше: исчезли голоса, запах свежего кофе, Никина привычка переставлять предметы туда, где они «смотрелись менее одинокими».

Мари разобрала бумажные пакеты. Протёрла прилавок. Нашла под кассой потерянную пуговицу и положила в маленькую коробку с такими же бесхозными находками.

Потом достала телефон.

«Всё нормально. Жду курьера».

Ника ответила почти сразу: «Булочку тоже дожись. Она пришла раньше».

Мари улыбнулась и подняла чашку.

В семь пятьдесят к стеклу постучали.

Она вздрогнула так резко, что ударилась коленом о стол.

За дверью стоял обычный курьер: мокрые волосы, жёлтая куртка, раздражённый взгляд человека, у которого впереди ещё несколько адресов.

— Мари? Посылка. Код назовите.

Она открыла, продиктовала цифры. Пока курьер проверял их, посмотрела на коробку.

Отправителем значилась стамбульская мастерская Аслана.

Мари заказывала у неё недорогие латунные предметы для витрины. Нашла мастерскую в торговом каталоге, переписывалась с человеком, подписывавшимся коротко: «Д. Аслан». Он отвечал вежливо и присылал хорошие фотографии изделий. Пробная закупка, ничего необычного.

— Долго шла? — спросил курьер, передавая коробку.

— Чуть больше недели.

— Сейчас всем долго.

Он ушёл, не дожидаясь ответа.

Мари закрыла дверь на ключ.

Коробка оказалась легче, чем следовало. Она заранее приготовила место для заказанных вещей: две дверные ручки, несколько небольших подсвечников и латунные накладки.

Внутри обнаружились только ручки.

И деревянный футляр.

Он лежал на дне, завёрнутый отдельно, так тщательно, что Мари сначала приняла его за упаковку самого хрупкого предмета. Но на крышке не было ни логотипа мастерской, ни товарной наклейки.

Три окружности пересекались, не сходясь в общей точке.

Мари провела по рисунку большим пальцем.

В зубах отозвался тонкий металлический вкус.

Она убрала руку.

Взглянула на пальцы, затем на футляр. Могла порезаться о щепку. Могла прикусить щёку. Она осторожно провела языком по зубам, но крови не почувствовала.

Крышка не поддавалась сразу. Мари взяла нож для писем, завела тупой конец в щель и осторожно приподняла дерево.

На потемневшем бархате лежал компас в латунной оправе.

Под стеклом не было привычных букв сторон света. Только мелкие деления и узкая чёрная стрелка. На крышке оправы кто-то когда-то выгравировал тот же рисунок из трёх окружностей. В углублениях осталась почти чёрная грязь.

Мари подняла компас, поднесла к лампе. Стрелка лежала неподвижно.

Она перевернула его. Снизу обнаружился старый винт с повреждённым шлицем. Прибор явно разбирали, и не один раз.

«Работающий» или «на реставрацию» — в накладной такого предмета вообще не значилось.

Мари вернула компас на стол и потянулась за упаковкой: вдруг письмо затерялось между слоями бумаги.

Рядом с футляром лежал сложенный лист.

Из него выпала половина фотографии.

Мари успела поймать её прежде, чем снимок соскользнул на пол.

Бумага была плотной, холодной, чуть выгнутой. На разрыве торчали короткие волокна. Старое повреждение: края успели потемнеть, но не настолько, чтобы исчезла разница между ними и поверхностью снимка.

Она поднесла фотографию ближе.

Пристань. Перила. На воде — размытое судно. У края виднелась женская рука и часть светлого рукава. Снимок разорвали по фигуре: от женщины почти ничего не осталось.

Мужчина стоял слева, в тёмном пальто.

Мари сначала подумала, что знает актёра.

Так бывает: видишь незнакомое лицо, и память находит ему удобное объяснение. Старый фильм. Чужая фотография в книге. Человек, мельком встреченный на улице.

Она присмотрелась.

И перестала дышать.

У него были глубоко посаженные глаза, жёсткая линия рта и едва заметный излом носа. Возраст определить оказалось трудно: сорок? Чуть больше? На лице не было улыбки, однако голова была повернута к женщине за краем снимка, и этот поворот почему-то делал его выражение совсем другим.

Мари не смогла бы объяснить, что в нём изменилось.

Суровый взгляд оставался суровым. Рот — сжатым. Но она внезапно знала, каким стало бы это лицо, если бы женщина произнесла его имя.

Знала так отчётливо, что захотелось проверить.

Губы разомкнулись.

Ни одного слова не появилось.

Мари опустила снимок на стол и отступила на шаг.

Сердце билось высоко, почти в горле. Она посмотрела на окно, на комод, на чашку, под которой Ника оставила булочку. Всё было знакомым. Настоящим. Принадлежало этой комнате и этому вечеру.

А потом снова взглянула на мужчину.

Ей стало неловко смотреть на него при ярком свете. Как будто она открыла дверь в спальню, не постучав, и застала что-то, чего не должна была видеть. Только неловкость быстро уступила место другому чувству — настолько неожиданному, что Мари рассердилась на себя.

Она хотела, чтобы он поднял глаза.

Хотела увидеть, как двинется его рука. Почувствовать её тяжесть на своём плече. И ещё — совсем необъяснимо — придвинуться к нему настолько близко, чтобы перестать разглядывать лицо и услышать голос.

В чёрно-белой фотографии не было ни голоса, ни тепла.

Однако тело отозвалось так, будто между ними уже однажды не осталось расстояния.

Мари стиснула край стола.

— Хватит.

Слово прозвучало громко в пустой лавке.

Она разозлилась ещё сильнее. На себя. На фотографию. На человека, приславшего ей предмет, от которого за несколько секунд стало трудно дышать.

Мужчина смотрел на ту, кого оторвали от него вместе с половиной бумаги.

Ко мне, подумала Мари.

И сразу испугалась этой мысли.

Она перевернула снимок.

На обороте выцветшими чернилами было написано:

«6 ноября 1913. Не отдавай ему вторую половину».

Мари перечитала дату.

Потом ещё раз.

Сто тринадцать лет.

Она провела пальцем рядом с цифрами, стараясь не касаться чернил. Это могла быть поздняя надпись. Ошибка. Чья-то мистификация. Мари прекрасно знала, сколько способов существует придать новой вещи убедительный возраст.

Но бумага была старой. Поверхность, трещинки, серебристый отлив на тёмных участках — всё требовало хотя бы внимательного осмотра, а не поспешного объяснения.

Подписи не было.

«Ему».

Кому?

Мари повернула фотографию обратно. Если записку адресовали женщине справа, почему разорвали сам снимок? Чтобы она сохранила только мужчину? Или чтобы не узнала себя?

Она взяла телефон, включила камеру и приблизила изображение.

Перила стали отчётливее. На поверхности воды появились неровные полосы. У мужчины на мизинце белела тонкая черта — шрам или дефект снимка.

Мари прикоснулась к экрану.

На затылке возникло давление чужой ладони.

Осторожное. Почти боязливое.

Она замерла.

Это было не прикосновение снаружи: за спиной никого не стояло. Она знала. И всё равно не смогла сразу повернуться, потому что вместе с ощущением пришла уверенность — ладонь сейчас сдвинется, большой палец пройдёт за ухом, мужчина наклонится ближе.

В груди стало тесно.

Она не отняла пальцев от экрана. Не смогла.

Лавка исчезала не сразу: сначала из неё ушли звуки. Умолкли часы на комод, затих холодильник за занавеской, перестал стучать по стеклу дождь.

Вместо него пришёл другой дождь — частый, мелкий, по жестяному подоконнику. Пахло табаком, мокрой шерстью и горячим воском. Комната была незнакомой: низкие балки, закрытые ставни, узкая лампа с тёмным абажуром. После уличного холода здесь было так тепло, что оттаивали ладони, и от этого покалывало кончики пальцев.

Он стоял за её спиной. Она не видела его, но чувствовала каждой пуговицей на платье и каждым волоском на шее.

— Ты дрожишь, — сказал он.

Голос был низкий, с хрипотцой, не предназначенный для чужих ушей.

— Это от холода.

— Лжёшь.

Он сказал это почти нежно. Пальцы коснулись затылка и принялись вынимать из причёски шпильки — по одной, неторопливо. Она слышала, как они падают на столешницу, тонко и звонко. С каждым звоном волосы опускались всё ниже, пока не легли на плечи тяжёлой тёплой тканью.

— Мне нельзя здесь оставаться.

— Знаю.

— Ты обещал отвезти меня до рассвета.

— Я много чего обещаю.

Его ладонь легла ей между лопаток — горячая даже сквозь платье. Он повёл её вниз вдоль позвоночника, к первой пуговице, и Мари закрыла глаза. Она считала пуговицы. Одна. Две. Три. Сбилась на пятой, когда его губы коснулись её шеи.

Платье соскользнуло с плеч. Прохладный воздух коснулся кожи, а сразу за ним — рот, уже совсем не нежный. Мари вцепилась в край стола.

— Александр.

Он замер.

Имя прозвучало так, словно она произносила его тысячу раз и каждый раз — впервые.

— Повтори, — попросил он у самого её уха.

— Нет.

— Мари.

— Не так легко.

Он тихо засмеялся ей в плечо; она почувствовала этот смех всей спиной. А потом развернул её к себе — одним движением, будто давно знал, где она уступит, а где станет сопротивляться. Ладонь легла на затылок, другая обхватила талию, и дымчатые глаза оказались так близко, что в них отражалось пламя лампы.

В этом взгляде не было ничего от человека, которого боялись на причалах. Только голод. И терпение, которое давалось ему труднее любой драки.

— Если хочешь уйти, — сказал он, — скажи сейчас.

Она взяла его лицо в ладони. Провела большим пальцем по жёсткой складке у рта.

— Я пришла не затем, чтобы уходить.

Он поцеловал её так, как целуют после долгой разлуки, не доверяя собственным рукам. Комната накренилась. На пол упало его пальто, потом её платье, тяжёлое, шуршащее, оставшееся лежать вокруг щиколоток, как сброшенная кожа. Пальцы его дрожали, пока он расстёгивал последние крючки корсета, и эта дрожь растрогала её сильнее любых слов.

Он поднял её на стол, легко, как поднимают ребёнка, и она оказалась выше него, держась за его плечи, с его губами на своей шее, на ключице, на нежной коже над краем сорочки. Тонкое полотно скользнуло вниз. Он целовал её грудь медленно, почти благоговейно, и она запрокинула голову, ударившись затылком о стену, и впервые за много месяцев не подумала ни о ком, кроме него.

— Скажи, если хочешь, чтобы я остановился.

— Не смей.

Она расстегнула ему рубашку сама, быстро, нетерпеливо, оторвав одну пуговицу, и ладони легли на горячую грудь, на старые шрамы, на сердце, бьющееся так, что удары можно было сосчитать пальцами. Он выдохнул сквозь зубы. Её пальцы скользнули ниже, к пряжке ремня, и он поймал её руку.

— Подожди. Я хочу...

— Чего?

— Увидеть тебя при свете.

Он отнёс её на кровать. Тяжёлое покрывало холодило спину, но холод держался секунду: он лёг рядом, и тепло его тела стало второй кожей. Лампа с тёмным абажуром бросала на стену золотой круг. Он раздевал её последними движениями: чулок, лента, тонкая ткань. И целовал каждое место, которое открывалось. Колени. Внутреннюю сторону бёдер. Мягкий изгиб живота. Мари вцепилась в простыню; её дыхание превратилось в рваные короткие вздохи, и она слышала собственный голос, незнакомый, низкий, зовущий его по имени, и не стыдилась.

— Не обещай мне вечности, — выдохнула она, когда он поднял голову.

— Я и не умею.

— Тогда пообещай эту ночь.

— Эту обещаю.

Он накрыл её собой, и дождь за ставнями стал далёким, как чужой город. Они двигались медленно, глядя друг другу в глаза, и она чувствовала каждое его движение всем телом: тяжесть, жар, мучительную нежность, от которой хотелось плакать и смеяться одновременно. Потом ритм изменился; её ногти оставили на его спине полосы; он прижался лицом к её шее и повторял её имя, словно ничего другого не знал. Волна поднималась откуда-то из глубины, из живота, из самых костей, пока не накрыла её с головой, и она закричала в его плечо, выгнувшись, а он следом, глухо, хрипло, вздрогнув всем телом. Они остались лежать, мокрые, дрожащие, склеенные дыханием, пока в комнате не осталось ничего, кроме дождя.

Потом, лёжа в темноте с его рукой на своей груди, она увидела на спинке стула своё пальто. Из-под подкладки выглядывал угол небольшой книги.

«Только бы он не заметил», — подумала она.

— Что? — спросил он сонно, не открывая глаз.

— Ничего.

Он не поверил. Но поцеловал её в плечо и промолчал — и от этого молчания ей стало хуже, чем от любого вопроса.

Мари услышала свой вдох и отдернула руку от телефона.

Ощущение исчезло.

Она повернулась. Увидела пустой проход между шкафами, занавеску, часы на комод.

Никаких шагов.

Никакого человека.

Мари подняла руки к лицу. Пальцы были ледяными, щёки — горячими. Между лопаток, там, где лежала невидимая ладонь, кожа горела, как после ожога. Она вдруг поняла, что несколько секунд назад ждала продолжения.

Ждала с такой отчаянной готовностью, которой не было места в её спокойной, аккуратно выстроенной жизни.

Её собственное тело вспомнило то, что отказывалась помнить голова.

Компас стукнул о стол.

Мари резко обернулась.

Латунная оправа чуть покачивалась. Стрелка дрожала у самого стекла, вытянувшись в сторону фотографии.

Она была уверена, что положила прибор ровно.

Мари дождалась, пока оправа перестанет двигаться, затем взяла снимок и перенесла его к краю стола.

Стрелка повернулась следом.

В лавке тикали часы.

Мари перенесла фотографию обратно.

Стрелка развернулась.

Она убрала телефон подальше. Сняла с руки кольцо, отложила нож для писем. Проверила, не качается ли стол.

Снова передвинула снимок.

Стрелка последовала за ним.

На четвёртый раз Мари выключила верхний свет. Под небольшой лампой бумага сразу стала темнее; лицо мужчины будто приблизилось.

Она рассмеялась коротким, злым смехом.

Магнит. Фокус. Переделанный прибор. Кто-то вложил достаточно денег и труда, чтобы заставить хозяйку антикварной лавки почувствовать себя героиней дешёвого розыгрыша.

Вот только шутнику нужно было знать, куда ударить.

Мари не рассказывала о своей памяти покупателям. В интернете не было истории о её пробуждении в больнице. Даже Ника узнала об этом спустя несколько месяцев после начала работы.

Она опустила фотографию изображением вниз.

Компас всё ещё указывал на неё.

Мари нашла накладную. Номер мастерской был напечатан в нижней части листа, под адресом.

Первый звонок остался без ответа.

Пока шли гудки, она посмотрела на закрытую дверь. На нижнем стекле дрожало отражение лампы; выше тянулась чёрная улица. За витриной остановилась пожилая женщина, поправила сползший пакет и пошла дальше.

Мари набрала номер снова.

Ответили на третьем гудке, по-турецки. Мужской голос был низким, с хрипотцой. Слышалось дыхание — слишком близкое к телефону.

— Я из Петербурга. Меня зовут Мари. У вас была моя закупка...

— Вы получили?

Вопрос прозвучал по-русски.

Мари сжала накладную.

— Я получила вещи, которых не заказывала.

На другом конце что-то упало. Мужчина произнёс несколько слов, уже не ей. Потом снова приблизился к телефону.

— Футляр тоже?

— И фотографию.

— Не фотографируйте их для каталога. Вы уже выложили?

— Нет. Кто вы?

— Джем Аслан. Это моя мастерская. Послушайте, мне нужно знать: кто-нибудь, кроме вас, видел посылку?

Мари посмотрела на Никину чашку.

— Нет.

— Хорошо.

— Для кого хорошо?

Он не ответил.

Она почувствовала, как внутри поднимается злость, знакомая и гораздо более удобная, чем страх.

— Господин Аслан, вы отправили мне чужую фотографию и странный прибор. Теперь спрашиваете, кто их видел. Объясните, что происходит.

— Я должен был сначала позвонить. Не знал, как сказать. Боялся, что вы...

— Что я?

Он помолчал.

— Вы помните клинику доктора Демир?

Мари села.

Нога задела коробку, дверные ручки ударились друг о друга. Она слышала этот звук очень отчётливо. Вопрос мужчины на несколько секунд перестал быть словами и остался только ощущением: кто-то поднёс ладонь к месту старого ожога, о котором она научилась не думать.

— Повторите имя.

— Доктор Демир. Лейла.

Фамилия лечащего врача в выписке была другой.

Но в первые ночи после пробуждения к ней приходила женщина с небольшим ожогом у подбородка. Говорила по-русски с мягким акцентом. Не включала верхний свет, садилась рядом и иногда просила Мари посмотреть на неё, прежде чем спрашивать, что она помнит.

Мари спрашивала в ответ, почему ей снится вода.

Женщина каждый раз находила что-нибудь другое: поправляла одеяло, проверяла повязку, брала стакан. На этот вопрос не отвечала никогда.

Однажды Мари проснулась от собственного крика и увидела, что женщина стоит в дверях. Она плакала — тихо, совершенно неподвижно. Когда заметила, что Мари смотрит, отвернулась.

Утром Мари решила, что это тоже приснилось.

— Откуда у вас мой адрес? — спросила она.

— Вы сами сделали заказ.

— Откуда вы знали, кому отправляете эти вещи?

Джем выдохнул. Где-то у него скрипнула дверь.

— Мне помогли вас найти.

— Кто?

— Человек, который пытался исправить ошибку.

Мари закрыла глаза.

Она слишком часто слышала такие фразы от тех, кто ничего не знал. Обтекаемые обещания, осторожные намёки. Разговор о надежде, за который платит только один из собеседников.

— Какую ошибку, Джем? Говорите точно.

Молчание затянулось.

За стеклом прошла пара под одним зонтом. Девушка смеялась, мужчина остановился, чтобы поправить ей капюшон. Она нетерпеливо тряхнула головой, затем сама взяла его за руку.

Мари почему-то стало невыносимо смотреть на них.

Она повернула фотографию лицом вверх.

Мужчина в тёмном пальто всё ещё смотрел на отсутствующую женщину.

— Вашу аварию, — сказал Джем.

Мари застыла.

— Что с ней?

— Я нашёл документы. В день, когда она якобы произошла, автомобиль стоял на таможенном складе.

Она смотрела на фотографию, но перестала видеть лицо.

— Вы ошиблись номером машины.

— Я проверил.

— Датой.

— Тоже проверил.

В дверной проём лавки упёрся свет фар.

Мари подняла голову.

У тротуара остановилась машина. Водитель не выключил двигатель. Через мокрое стекло различался только силуэт человека за рулём.

Машина могла ждать жильца. Могла приехать за покупателем из соседнего магазина. На этой улице постоянно кто-нибудь останавливался.

Мари знала это.

И всё равно отодвинулась от окна.

— Если аварии не было... — Она с трудом проговорила конец фразы: — Что со мной случилось?

— Я не знаю всего.

— Тогда расскажите то, что знаете.

В трубке послышался глухой удар, потом другой. Джем отнял телефон от лица. Несколько секунд Мари слышала только его дыхание и какой-то шорох.

— Джем?

— Вам нужно приехать.

— В Стамбул?

— Да. В мастерскую. Адрес у вас есть.

— Я не поеду неизвестно к кому, потому что он назвал фамилию врача. Пришлите документы.

— Часть у меня. Остальное... — Он оборвал себя. — Послушайте. Главное: не обращайтесь к людям, которые вас лечили.

— Почему?

— Мари...

Она впервые услышала, как он произнёс её имя без вопроса. Торопливо, почти с просьбой.

— Скажите, кто на фотографии.

Джем молчал.

— Вы ведь знаете?

— Знаю.

Мари наклонилась к телефону, будто это могло сократить расстояние.

— Тогда скажите.

Связь оборвалась.

Она ещё несколько секунд держала телефон у уха.

Затем набрала номер снова.

Гудки шли долго. Никто не ответил.

В стекле двери дрожал белый свет. Снаружи шумел двигатель.

Мари подняла фотографию. Вгляделась в незнакомое лицо и вдруг поняла, чего боялась все семь лет: однажды найдётся человек, который сможет объяснить её прошлое, а она не захочет услышать ответ.

Но сейчас ответа хотелось так сильно, что страх не помогал остановиться.

Она положила снимок в чистый конверт. Вернула компас в футляр, закрыла крышку.

Убрала в сумку накладную, телефон и ключи.

На столе осталась недоеденная булочка.

Мари набрала Нике сообщение: «Я ухожу. Позвоню, когда буду дома».

Не стала писать о фотографии. Не смогла придумать, с чего начать, чтобы самой не услышать, насколько безумно это звучит.

У двери она остановилась.

В ящике с театральным реквизитом лежал накрытый салфеткой револьвер.

Мари посмотрела на него. Несколько часов назад руки вспомнили, как держать оружие.

Несколько минут назад — каково это, когда чужая ладонь касается затылка.

Оба воспоминания пришли из жизни, о которой ей ничего не рассказали.

Она закрыла ящик.

Мари не знала, кем была раньше.

Но очень не хотела узнавать это, взяв оружие.

Глава 2

Дата на обороте

Ночью ей приснился не мужчина, а потолок.

Низкий, сводчатый, с полосой сырости между кирпичами. По нему полз свет, как по дну бассейна. Кто-то удерживал её за плечи, и она знала: если начнёт сопротивляться, человек справа заплачет.

Она проснулась в темноте, с мокрым лбом, и несколько секунд не могла понять, где находится. Ника оставила в коридоре лампу — так оставляют свет детям. Мари слушала, как в стене стучит труба, и перечисляла про себя простые вещи: Никин диван. Никин плед с оленями. Никины носки на подлокотнике. У этих вещей были имена и происхождение. Их можно было удержать.

Потом она уснула снова.

Потолок не вернулся. Вместо него пришёл мужчина.

* * *

Было утро. Она узнала его по запаху: мокрый уголь, остывший кофе, горячий хлеб из пекарни внизу. Где-то над водой протяжно ревел пароход, и от этого рёва тонко звенели стёкла.

Она лежала на животе, уткнувшись лицом в подушку, и чувствовала на спине тяжесть его руки. Не давящую, просто присутствующую, как присутствует свет в комнате. Под ладонью кожа была тёплой, а всё остальное тело ленивым и тяжёлым, как после долгого сна и долгой ночи.

— Ты притворяешься, — сказал он над самым её ухом.

— Я сплю.

— Ты улыбаешься.

— Во сне тоже можно улыбаться.

Он тихо засмеялся. Она услышала этот смех позвоночником: сначала дыхание у основания шеи, потом губы. Они двигались вдоль позвонков медленно, останавливаясь на каждом, будто он считал их и нарочно сбивался, чтобы начать сначала. Мари перестала притворяться. Пальцы сжали простыню.

— Это нечестно, — выдохнула она.

— Знаю.

— Ты обещал дать мне поспать.

— Обещал. — Его ладонь прошла по изгибу талии и остановилась на бедре. — Но ты сама сказала, что во сне можно улыбаться.

Она перевернулась. Свет из-за ставен лёг полосами на его плечи и грудь, на старые шрамы, которые она знала, как дорогу в темноте. Без пальто, без привычной хмурости он выглядел моложе и беззащитнее. Дымчатые глаза в этом свете были почти прозрачными.

— Скажи что-нибудь, — попросил он.

— Что?

— Что угодно. Я хочу слышать твой голос, пока ты не передумала.

Она потянула его к себе за шею. Простыня сползла. Его рот нашёл её рот, потом подбородок, потом впадинку над ключицей, где билась жилка, потом грудь. Он целовал её так, словно за ночь не насытился, а только распробовал. Её пальцы запутались в его волосах. Ладонь скользнула по рёбрам, по животу, ниже, и она вздрогнула, выгнулась ему навстречу, чувствуя, как глубоко внутри разгорается тяжёлое горячее нетерпение.

— Тише, — шепнул он ей в губы. — Хозяйка внизу.

— Ты сам...

Она не договорила: он улыбнулся и поцеловал её в то самое место под ухом, и все слова кончились.

Она обхватила его ногами, и он издал низкий, сорванный звук, от которого по ней прошла дрожь. Он двигался сначала нежно, потом всё настойчивее. Дыхание сбилось. Мари вцепилась в его плечи, глядя в потолок, где дрожали отражения воды, и думала, что никогда не знала, как много можно чувствовать одной кожей. Потом думать стало нечем: остались его руки, его дыхание, мерное нарастание ритма, в котором растворялись слова, пока не осталось единственное.

Волна пришла внезапно и накрыла обоих.

Пароход загудел снова. Они не услышали.

* * *

Мари проснулась оттого, что сердце колотилось, как после бега. Простыня сбилась, плед с оленями сполз на пол, кожа горела от затылка до колен. Она села, провела ладонями по лицу и обнаружила, что улыбается — глупо, счастливо, без всякой причины, — пока взгляд не наткнулся на кресло.

Ника спала там, свернувшись клубком и обняв телефон. Накануне она отменила свидание после одного сообщения: «Можно я приеду? Мне страшно».

— Ты что-то говорила во сне, — не открывая глаз, сказала Ника. — Я не подслушивала. Но у тебя очень выразительный сон.

Мари натянула на голову подушку.

— Сколько ты слышала?

— Достаточно, чтобы уважать твоего мужчину. И пожалеть соседей.

— Он не мой.

— Конечно. — Ника приоткрыла один глаз. — А чей?

Мари не нашла ответа. Она вспомнила мокрый уголь, чужую ладонь на бедре и тот странный, обжигающий покой — первый за семь лет. Лицо стало горячим снова.

Это было хуже кошмара. От потолка просыпаешься испуганной. От такого — тоскующей.

* * *

Пока Ника гремела на кухне, Мари достала из сумки маленький блокнот. Он ездил с ней столько лет, что резинка вытянулась и уже ничего не удерживала. Вначале в нём были записаны простейшие вещи: код домофона, название ближайшей остановки, часы работы отделения, где выдавали документы. Потом появились суммы, адреса поставщиков, чьё-то «забрать после пятницы». Последние страницы занимали обмеры книжного шкафа. Между первой и последней записью существовала жизнь, которую можно было перелистать пальцем.

На внутренней стороне обложки Ника когда-то нарисовала нелепое животное с шестью лапами.

— Чтобы не перепутала с другим блокнотом, — объяснила она тогда.

— У меня нет другого.

— Будет.

Мари провела ногтем по выцветшей лапе. Раньше этот рисунок казался ей доказательством, что всё постепенно наладится. Теперь она поймала себя на желании выяснить, какую ручку Ника использовала и сохранилась ли покупка в банковской истории. Недоверие расплзлось далеко за пределы фотографии. Если не остановить, оно доберётся даже до животного, которому не хватило места на бумаге.

— Ты считаешь шкаф или боишься? — спросила Ника от двери.

В руках у неё были две чашки. Одна треснула у основания ручки; Мари собиралась заменить её с прошлого Рождества.

— Пытаюсь вспомнить, как мы познакомились.

— Я не отдала тебе сдачу. Ты решила, что это отличный повод подружиться.

Мари подняла голову.

— Серьёзно.

Ника поставила чашки и села на край дивана. Её лицо изменилось не сразу: улыбка ещё держалась, хотя глаза уже внимательно следили за Мари.

— Ты пришла в магазин с листком. Там было написано «настольная лампа, тёплый свет». Выбирала сорок минут. Я закрывала смену и очень хотела есть. Потом ты спросила, какая лампа выглядит так, будто всегда стояла у тебя дома. Не какая лучше, понимаешь, а какая уже твоя.

Это Мари помнила. Длинный ряд картонных коробок, запах горячего пластика от образцов, слишком громкое радио. Она тогда ещё пугалась собственных решений. Любая покупка казалась самозванством: настоящий прежний человек мог любить другую форму абажура.

— Ты сказала, что дома всегда стоит та, на которую не хватает денег.

— Я была глубока от голода.

— И мы пошли за пирожками.

— Нет. Сначала ты ушла. Вернулась через два дня. Принесла мне пирожок в пакете, потому что запомнила, что я не успела поужинать. Мы ели за кассой, и начальник сделал вид, что ничего не заметил.

Мари нахмурилась. В её памяти всё уместилось в один вечер. Даже лампа стояла уже у неё под мышкой, пока они переходили улицу к пекарне.

— Я совсем иначе это помню.

— Я тоже могу путать. Но пирожок был с капустой. Этого я не прощу никогда.

Они обе засмеялись. Смех получился коротким, осторожным, но настоящим.

Ника взяла блокнот, перевернула несколько страниц и вернула, не читая записей.

— Что ты хочешь проверить?

— Была ли я странной.

— Была. И я. И все люди, которые покупают лампы в ноябре после девяти вечера.

— Не такой странной.

Ника положила руки на колени.

— Ты не знала, любишь ли корицу. Помнишь? Покупала всё, где она была: кофе, булочку, какие-то ужасные леденцы. Потом решила, что не любишь. Через полгода передумала. Я думала, это очень честно — не изображать вкус, которого у тебя нет.

— А если он был? Если я всегда любила корицу?

— Тогда ты всё равно имела право полгода её ненавидеть.

Мари закрыла блокнот. На кухне щёлкнул чайник, хотя вода в нём давно закипела: старое реле никак не могло успокоиться.

Она вспомнила первый собственный ключ. Пластмассовый брелок в форме маленького дома подарили вместе с замком. Мари носила ключ в ладони по дороге от метро, словно кто-то мог незаметно подменить его в сумке. Дома проверяла табличку с номером этажа. Входила, включала свет, медленно осматривала комнату. Незнакомая кровать, чужой шкаф, её лекарства на подоконнике. Особенно тяжело было вечером: целый день она выполняла понятные действия, а потом оставалась одна с человеком, которого все называли ею.

Однажды она набрала Нику и полчаса говорила о чайниках. Просто чтобы слышать голос. Ника не спросила, почему взрослой женщине нужно обсуждать, сколько воды наливать на две чашки. На следующий день пришла с отвёрткой: посмотреть, отчего мигает лампа.

— Ты тогда поняла? — спросила Мари.

— Что?

— Что я боюсь остаться одна.

— Да.

— Почему ничего не сказала?

Ника задумалась.

— А что я могла сказать? «Не бойся»? Ты бы постаралась ради меня. Мне казалось, у тебя и так слишком много работы.

Мари отвернулась к окну. По стеклу медленно сползала дождевая капля, собирая в себя меньшие. Внизу дворник тянул к воротам контейнер, и одно колесо всё время уводило его в сторону. Дворник ругался, возвращал контейнер на дорогу, шёл дальше. В обычной упрямой жизни было что-то мучительно дорогое.

— Если выяснится что-нибудь плохое...

Ника не дала ей договорить сразу. Подождала, пока она сама подберёт слова.

— Если я раньше была плохим человеком, — сказала Мари, — ты бы хотела узнать?

— Да.

Ответ оказался слишком быстрым. Мари почувствовала, как сжались пальцы вокруг обложки.

— И перестала бы со мной общаться?

— Не знаю. Смотря что ты сделала. Смотря что будешь делать теперь.

Она сказала это без суровости. Именно поэтому было больнее.

— Я не могу заранее пообещать тебе удобный ответ, Марь. Ты бы мне не поверила. Но я бы не исчезла, пока ты рассказываешь.

Мари кивнула. Она не ожидала, что отсутствие обещания может удержать крепче клятвы.

Ника встала за тарелками. На пол упала чайная ложка; она подняла её и привычно вытерла о полотенце.

— Давай договоримся о том, что мы действительно можем сделать. Если поедешь, пришьёшь адрес. Если передумаешь, не будешь считать это позором. И если этот Джем потребует деньги, сначала позвонишь мне.

— Ты разоблачишь мошенника?

— Я напому про шкаф. Мы ещё за него не рассчитались.

Мари снова посмотрела на фотографию в телефоне. Складка пересекала воду, чужое плечо уходило за край. Она попыталась представить, что выбрасывает снимок, возвращается в лавку, принимает заказ, обсуждает с мастером лак. Неделью всё будет почти нормально. Месяц. Потом каждый звонок станет возможным ответом, от которого она сама отказалась.

— Я не хочу ехать из-за него, — сказала она.

Ника поняла, о ком речь, без пояснений.

— Тогда назови другую причину.

— Кто-то знает, что случилось со мной. И уже решил, сколько мне об этом рассказать.

— Вот с этого и начни.

Ника придвинула ей тарелку. На краю лежал кусок подгоревшей корочки, которую она всегда оставляла себе. Сегодня отдала Мари и, заметив её взгляд, пожала плечами.

— Не делай из этого знак. Я просто плохо разделила яичницу.

Мари взяла вилку. От горячей еды заболели пустые зубы; она не замечала голода с предыдущего вечера. Несколько минут они ели молча. На столе между чашками лежал телефон, и экран оставался тёмным.

Позже Мари записала на свободной странице: «Спросить про 2019. Кто перевёз. Кто оплатил. Почему нет вещей». Не «кто я». На этот вопрос нельзя было ответить одним звонком. На остальные, возможно, ещё удастся.

Под списком она вывела имя Джема, затем долго смотрела на оставшееся пустое место. Хотела написать имя мужчины со снимка, но не знала его. Вместо имени поставила вопросительный знак и сразу зачеркнула: ей надоело превращать человека в обозначение.

Ника тем временем собирала посуду. Мари поднялась помочь, задела чашку локтем и успела поймать её у края стола. Резкое движение отдалось в запястье странной знакомой болью. Она замерла, ожидая, что сейчас снова увидит воду или чью-то руку. Ничего не произошло.

Оказалось, можно просто неловко задеть чашку. Даже теперь.

Теперь было стыдно. Машина могла ждать кого угодно. Компас мог оказаться подделкой. Даже Джем мог быть мошенником, достаточно хорошо изучившим будущую жертву. А она, взрослая женщина, из-за сна о незнакомом мужчине выдернула подругу из постели и сорвала ей вечер.

— Отлично, — сказала Ника, когда Мари перечислила эти возможности. — Тогда мы их проверим. Но завтрак остаётся настоящим.

Они позвонили в мастерскую по номеру, найденному независимо от накладной. Ответил тот же Джем. Он согласился на видеозвонок.

Выглядел он плохо: небритый, с красными глазами человека, который не ложился. Позади него на стене висели рамки с пожелтевшими снимками, на столе горела лампа с зелёным абажуром. Он то и дело поглядывал на дверь, и Мари заметила, что стул, на котором он сидит, придвинут спинкой к стене.

— Покажите вывеску, — попросила она.

Он послушно развернул камеру к окну: низкая дверь, медная табличка, под ней — миска для кошки. Потом показал рабочий стол, отправочные квитанции, стопку упаковочной бумаги, точно такой же, в какую был завёрнут компас. Затем перевёл камеру на лист под стеклом.

На нём были напечатаны имя Мари, дата госпитализации и номер автомобиля.

Номер ей ни о чём не говорил. Но выписка лежала в сумке — последние дни Мари носила её с собой, как талисман, — и она проверила по ней. Совпало всё, включая ошибку в отчестве.

— Почему вы решили, что фотография имеет ко мне отношение?

— Потому что я видел её целиком.

— Что написано на обороте?

Джем не удивился проверке.

— «Шестое ноября тысяча девятьсот тринадцатого. Не отдавай ему вторую половину». Больше ничего.

Мари почувствовала, как под рёбрами стало холодно. Ника, стоявшая за её плечом, перестала жевать.

— Кому «ему»?

— Если бы я знал точно, я бы не сидел спиной к стене.

— Где вторая часть?

Джем потёр лоб.

— У меня есть копия. Оригинал хранит другой человек. Я не хочу называть его в телефоне.

— Вы уже достаточно сказали в телефоне, чтобы я не могла просто положить трубку.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Да. Простите. Я реставратор. Мне проще разговаривать с вещами.

Это прозвучало настолько обыденно, что Мари впервые поверила его страху.

* * *

Днём она отнесла снимок Валентине Павловне, которая сорок лет работала с фотографическими коллекциями. В её мастерской пахло камфорой и тёплой пылью, на столе лежали белые хлопковые перчатки, а на подоконнике дремал толстый серый кот, представленный Мари как «заведующий архивом».

Валентина Павловна не стала называть год с первого взгляда и сразу велела перестать дышать на бумагу.

— Старый отпечаток, — сказала она после осмотра. — Серебряный. Основа и характер повреждений соответствуют началу прошлого века. Но дату на обороте это не удостоверяет. Дату подтверждают другими источниками.

Она подвинула Мари лупу.

— Вот следы окисления. Вот старая ретушь. А вот здесь, по разрыву, две группы загрязнений. Его рвали давно, а сгиб раскрыли недавно. Где ты его взяла?

Мари ответила не сразу.

— В посылке.

— В следующий раз пусть присылают вазу.

Валентина Павловна надолго замолчала, склонившись над снимком. Потом выключила верхний свет и подвела лампу сбоку, так что бумага ожила рельефом.

— Любопытно. Серебро по краю, у лица мужчины, стёрто сильнее, чем на остальном поле. Вот здесь. И здесь. Видишь жирные овальные следы?

— Отпечатки?

— Много слоёв. Один и тот же палец, одно и то же место, годами. — Она сняла очки. — Снимки обычно хранят в темноте. А этот доставали. Часто. И вот так, — она показала в воздухе короткое движение, — водили большим пальцем по его лицу.

В мастерской стало тихо. Только кот перевернулся на другой бок.

— Скажу не как эксперт, — добавила Валентина Павловна уже мягче. — Человек, державший этот снимок, любил то, что на нём изображено.

Мари посмотрела на свой большой палец и спрятала руку в карман.

Валентина Павловна выдала краткое описание состояния. Мари сфотографировала обе стороны при ней и загрузила копии в закрытую папку, доступ к которой дала Нике.

У двери Валентина Павловна остановила её.

— погоди. Ты ведь приехала не только узнать возраст бумаги.

Мари уже держала ручку двери. В коридоре кто-то встряхивал мокрый зонт; капли били по плитке, как мелкие камешки.

— А что ещё можно узнать?

— Иногда — что именно тебе хочется услышать. И вовремя перестать помогать себе это услышать.

Валентина Павловна достала с полки пустой конверт, написала на нём дату и положила рядом с фотографией. Попросила Мари снять их вместе, затем отдельно переснять оборот, оставив в кадре линейку.

— Первую версию не обрезай. Не усиливай резкость. В телефоне можно сделать из царапины усы, а потом двадцать человек будут уверять, что узнали усатого деда.

— Я умею работать с изображениями.

— Вот поэтому и говорю.

Мари вернулась к столу. Кот открыл один глаз и немедленно закрыл: их работа его разочаровала.

Валентина Павловна положила между ними чужой снимок. Двое детей на ступеньках, собака без головы у края кадра, женщина в белом платье. На обороте карандашом стояло: «Мама с братьями. Лето».

— Принесли на прошлой неделе. Заказчица полжизни считала, что здесь её мать. Оказалось — соседка. Семья снимала у них комнату. Мать фотографировала.

— И как выяснили?

— Нашёлся другой отпечаток. На нём подписали всех. У заказчицы совпадали дом, платье, даже собака. Не совпал один человек, ради которого она всё это берегла.

Мари посмотрела на женскую руку у края своей фотографии.

— Значит, ничего нельзя знать наверняка.

— Нет. Значит, нужно оставить место для второго отпечатка.

Валентина Павловна вернула чужой снимок в папку. Под ним лежала открытка, выцветшая только с одной стороны: половину много лет закрывала рамка.

— Тебе прислали вопрос, — сказала она. — Не отвечай на него за отправителя.

Мари хотелось возразить. Её вопрос был не про соседку в чужом платье. Он ждал семь лет, сидел с ней в очередях, возвращался домой вместе с очередной справкой. Она почти рассердилась на спокойную женщину, которая могла открыть семейный альбом и просто прочесть подписи.

Валентина Павловна, словно заметив это, подвинула конверт ближе.

— Я понимаю, что тебе хочется прямо сейчас получить заключение со словами «это невозможно». Но у меня нет прибора для невозможного. Есть лупа.

Мари тихо выдохнула.

— Можно я позвоню вам, если найду вторую часть?

— Только не ночью. Ночью всё кажется более убедительным, чем заслуживает.

Она помогла уложить бумагу между листами защитного материала. На конверте Мари написала место получения и имя отправителя. На секунду рука остановилась над следующим словом: «Александр». Имя возникло во сне. Оно ещё ничего не доказывало.

Она записала его на отдельном листке и добавила: «Вспомнила. Не проверено».

На улице дождь забил по конверту. Мари спрятала его под пальто, дошла до навеса аптеки и только там достала телефон. В списке недавних вызовов был номер больницы. За ним не стояло ни сна, ни узнавания; туда уже звонила она сама, много раз. Палец всё равно не сразу попал в зелёный кружок.

Она позвонила в больницу.

В регистратуре сказали, что архив старого юридического лица не передавался новой организации. Письменный запрос обещали принять. Когда Мари назвала доктора Демир, девушка замолчала, попросила подождать, а вернувшись, повторила слово в слово первую фразу — так повторяют заученное. На заднем плане кто-то быстро заговорил, и трубку прикрыли ладонью.

Мари записала время разговора.

Это занятие успокаивало: вместо пустоты возникали маленькие проверяемые факты. Дата. Минута. Слово.

На письменный запрос ушло больше часа. Мари несколько раз начинала с фразы «прошу объяснить» и всякий раз стирала её. В форме требовалось другое: даты пребывания, копии выписок, основания перевода. Она нашла старую папку. Прозрачные файлы слиплись; край одного пришлось разрезать ножницами, потому что пластик захватил угол справки.

Больничная фотография лежала отдельно. На ней Мари сидела у окна в серой кофте. Снимал сотрудник, оформлявший документы. Она помнила, как долго не могла понять, куда смотреть. Ей говорили: в объектив. Но объектив представлялся отверстием, за которым кто-то должен был узнать её раньше, чем она узнает себя.

Теперь на фотографию упала тень от её руки. Лицо почти не изменилось. Та же складка между бровями, появлявшаяся, когда она старалась не заплакать. Зато кофта давно пропала. Мари попыталась вспомнить, сама ли её выбросила, и испытала внезапное желание найти хотя бы эту дешёвую вещь. В ней она точно существовала. Без даты на обороте, без половины мужчины рядом.

Из папки выпал квиток за хранение вещей. В графе «количество мест» стояла единица. Сама Мари помнила только пакет с обувью, слишком большой для выданных больничных тапочек. Она позвонила ещё раз, уже не в регистратуру, а по старому номеру хозяйственного отдела, напечатанному мелким шрифтом.

Ответили не сразу. Женщина на другом конце попросила говорить громче: у неё рядом работал принтер.

— Это старый бланк, — сказала она, выслушав. — По номеру квитанции я сейчас не найду. Направьте копию вместе с запросом.

— Там мог быть чемодан?

— Мог. Или пакет. Я не знаю, что было семь лет назад.

Прямое незнание прозвучало почти успокаивающе после регистратурного заученного ответа.

— Простите, — сказала Мари. — Я не требую, чтобы вы помнили.

— А я не отказываюсь поискать. Только не по телефону.

Мари записала адрес отдела. Сотрудница терпеливо продиктовала название ещё раз и велела не присылать оригинал квитанции. Разговор закончился обыкновенно: пожеланием хорошего дня. Мари ещё несколько секунд держала телефон возле уха. Ей давно не отвечали о прошлом так, будто оно состояло из бумаг, способных завалиться за шкаф, а не из запретной тайны.

Она сделала копию квитка. Сначала на снимке оказался её палец, затем тень, в третий раз всё получилось. Номер был плохо пропечатан. Последняя цифра походила и на тройку, и на восьмёрку; Мари увеличила изображение до бессмысленных квадратов, поняла, что дорисовывает желаемое, и вернулась к обычному размеру.

Рядом с номером кто-то поставил галочку фиолетовой ручкой. Мари развернула лист к свету. Бумага на стиге истончилась, но надпись оставалась ясной: «выдано сопровождающему». Подписи получателя не было. Возможно, её просто не скопировали на этот экземпляр. Возможно, она находилась на обороте другого бланка. Мари заставила себя записать оба предположения, прежде чем разрешила третье: кто-то забрал вещи, которые могли бы ей помочь.

На кухне остывала вода. Она снова включила чайник и впервые за день позвонила в лавку не по поводу снимка.

Ника разбиралась с покупателем, уверенным, что на комод неправильные ручки. По голосу было слышно, что она уже три раза объяснила: ручки новые и это указано в карточке товара.

— Подожди секунду, — сказала она и прикрыла трубку. — Да, если вам важно полностью исходное состояние, этот комод вам не подходит. Нет, я не могу сделать его старше к пятнице.

Мари рассмеялась прежде, чем успела остановить себя.

— Жива, — заключила Ника, вернувшись. — Это хорошо. Что там?

— Квитанция на вещи. Их получил сопровождающий.

— Ты знаешь, кто?

— Нет.

Ника помолчала.

— Ты хочешь, чтобы я посмотрела старые коробки в подсобке?

Мари не просила. От этой догадки у неё перехватило горло.

— Если не трудно.

— Трудно. Там твои восемь одинаковых ножек от стульев и моя надежда когда-нибудь найти пол. Но посмотрю.

— Они не одинаковые.

— Вот именно поэтому я и не выбросила.

Когда связь прервалась, Мари стала собирать разбросанные бумаги. Под фотографией обнаружился листок с упражнениями, которые ей давали после больницы: перечислить вещи в комнате, назвать дату, записать три события дня. Внизу её рукой было выведено: «Купила зелёное яблоко. Оно оказалось сладким. Я огорчилась». Не событие, а нелепая маленькая претензия к миру. Она прочла запись ещё раз и вдруг вспомнила вкус. Плотную мякоть, почти медовую; ожидание резкой кислоты; собственное раздражение, которое тогда казалось первым несомненно личным чувством.

Ей не требовалось разрешение неизвестной прежней женщины, чтобы предпочитать кислые яблоки. И всё же семь лет назад она записала это как открытие.

Мари вложила лист обратно, но не закрыла папку. На следующей странице находился перечень звонков, сделанных социальным работником. Часть фамилий была зачёркнута. Возле

некоторых стояло «не подтверждено», возле одной — «ошибка». Тогда Мари читала этот список как счёт собственным несуществующим родственникам: столько людей, и никто не её. Сейчас заметила, что после определённой даты звонки прекратились.

Она не помнила, чтобы просила перестать искать.

В запросе появилась ещё одна строка: кто сообщил сведения, на основании которых оформили документы после выписки. Мари смотрела на неё долго. Из аккуратных вопросов складывалось подозрение, которое уже нельзя было снова превратить в обычную медицинскую путаницу.

Ответ на письмо пришёл автоматически: обращение зарегистрировано. Мари сохранила номер. Никаких тайных имён, никакой двери в прежнюю жизнь. Только уведомление, что бумага теперь находится ещё у кого-то, кроме неё.

За окном стемнело. В собственном отражении Мари заметила, как сильно устала, и впервые позволила себе оставить папку открытой на столе. Она не исчезнет, если перестать на неё смотреть.

* * *

Вечером Джем прислал адрес мастерской в Каракее и контакт журналистки Дефне Кая. «Если меня не будет, звоните ей. Она знает про клинику».

— Не нравится мне эта фраза, — сказала Ника.

— Мне тоже.

— И ты всё равно поедешь.

Мари стояла у окна. Внизу мужчина выгружал из машины коробки; на лестнице пахло чьим-то ужином. Семь лет она завидовала людям, способным ненавидеть школьные фотографии. Даже плохое детство казалось ей роскошью: была точка, от которой можно было отсчитывать свою жизнь.

Теперь кто-то утверждал, что эту точку нарисовали за неё.

— Если не поеду, — сказала она, — всё равно буду жить там. Каждый день представлять, что лежит у него на столе.

Ника отдала ей пауэрбанк и маленькую аптечку.

— Тогда не становись героиней фильма, которая отключает телефон ради красивого одиночества. Адрес отеля у меня. Паспорт скопирован. Пишешь утром и вечером. Если планы меняются — сразу.

— Ты младше меня на три года.

— Ужасная ошибка природы.

Она села на край кровати и долго складывала в чемодан один и тот же свитер.

— Можно я скажу одну плохую вещь?

— Говори.

— Если ты вспомнишь, кто ты, и окажется, что ты какая-нибудь... — Ника неопределённо повела рукой. — Принцесса. Шпионка. Женщина в розыске. Ты всё равно останешься моей Мари? Которая не умеет красиво заворачивать подарки и ворует мои булочки?

— Я не воровала булочку.

— Ты съела половину.

Мари обняла её. От Никиных волос пахло кофе и чужим вечерним дождём.

— Кем бы я ни оказалась, — сказала она в плечо подруге, — зарплату тебе я всё равно буду платить вовремя.

— Вот это уже серьёзное обещание.

* * *

В самолёте Мари не спала. Она смотрела на закрытый футляр в сумке и пыталась вспомнить хоть что-нибудь, что не было бы телесным: имя учительницы, вкус детского лекарства, песню.

Ничего.

Зато кожа между лопатками всё ещё помнила чужую ладонь. Стоило закрыть глаза — и возвращались сквозняк из-под ставен, смех у самого уха, горячее дыхание на шее. Она открывала глаза, и вокруг снова был узкий салон, шуршание пакетов, сонный ребёнок в соседнем ряду.

Перед посадкой за окном появилась вода, разделённая полосами света. Мари вдруг отчётливо почувствовала запах мокрого угля.

Она закрыла глаза.

На мгновение шум двигателей стал низким гудком парохода.

Телефон вернулся к жизни вместе с табло «Пристегните ремни» и тут же вздрогнул в руке. Сообщение с незнакомого номера.

«Добро пожаловать. Если на улице кто-нибудь назовёт вас по имени — не отвечайте. Д.»

Мари перечитала его дважды. Потом, когда самолёт коснулся полосы и пассажиры дружно защёлкали ремнями, — в третий раз.

Она не знала, что страшнее: что кто-то в этом городе знает её имя — или что она, возможно, отзовётся.

Глава 3

Человек у воды

Стамбул не оставил ей времени на первое впечатление.

Водитель искал нужный поворот, мотоцикл протиснулся между машинами, у открытой двери пекарни спорили двое мужчин. Мари прижала колени к чемодану и смотрела на улицу с внезапной досадой: город оказался слишком живым для тайны, ради которой она приехала.

В отеле ей дали номер с окном в узкий двор. Она отправила Нике фотографию двери и позвонила Джему. На этот раз он ответил с первого гудка.

— Вы получили моё сообщение?

— Получила. Кто может назвать меня по имени?

— Тот, кому не нужно отвечать. — Голос у него был торопливый, глухой, словно он говорил из шкафа. — Приходите через час. Мне нужно закончить одну работу. Вы далеко?

— Недалеко от воды.

— Пока оставайтесь там, где люди.

Он отключился раньше, чем она успела спросить что-нибудь ещё.

Час был слишком длинным, чтобы сидеть в номере, и слишком коротким, чтобы начать что-нибудь делать. Мари решила принять душ.

Горячая вода стала первым, что в этом городе принадлежало ей одной. Она стояла, упираясь ладонями в плитку, и позволяла струям барабанить по затылку и плечам. Самолёт, чужие запахи, страх — всё стекало вниз и уходило в решётку. Струя била в затылок, и сначала это было просто приятно.

Потом она почувствовала ладонь.

Не воду. Ладонь. Тяжёлую, горячую, прижавшую её затылок к чему-то шершавому. Вместо плитки — стена, облупленная штукатурка, запах воска и сырости. Узкая лестница с крутыми ступенями; наверху, в коридоре, смеялся чужой человек. Кто-то спускался со второго этажа, и каблуки стучали всё ближе.

— Тише, — шепнул он ей в губы.

— Мы не можем здесь...

— Тогда не издавай ни звука.

Он прижал её к стене всем телом. Его колено оказалось между её коленями, его рот — на её рту: жадный, злой от того, как долго пришлось ждать. Она слышала собственное сердце. Слышала, как шаги на лестнице остановились, помедлили — и двинулись дальше. Она рассмеялась прямо в его губы, беззвучно, неудержимо, а он закрыл ей рот поцелуем, чтобы заглушить смех.

Его ладонь легла ей на бедро, притянула ближе — и она поняла, что этот человек, умеющий молчать часами, рядом с ней не способен молчать: из груди у него рвался выдох, низкий, почти болезненный.

— Мари. Если ты не перестанешь так на меня смотреть...

— То что?

— Я отнесу тебя в комнату. Через весь холл.

— Попробуй.

Он попробовал. Она вскрикнула и вцепилась в его воротник, хохоча и злясь одновременно, а он нёс её по лестнице, не обращая внимания ни на скрипнувшую дверь, ни на чей-то удивлённый возглас, — быстро, упрямо, будто боялся, что стоит остановиться, и она исчезнет. Дверь комнаты закрылась за ними с глухим щелчком. Всё остальное — шпильки, перчатки, пуговицы, её слабые протесты и его бесконечно терпеливые руки — осталось по ту сторону щелчка.

Мари выключила воду.

Тишина оглушила. Она стояла мокрая, дрожащая, с ладонью, прижатой к губам, и чувствовала, как под кожей ещё бежит то, чему не было названия: вкус чужого поцелуя, настоящий, как соль.

— Я тебя не знаю, — сказала она плитке.

Плитка не возразила. Тело, как всегда, промолчало, но молчало теперь убеждённо.

* * *

Она надела тёмное платье и зелёное пальто, спрятала в сумку конверт с фотографией и футляр с компасом и вышла на улицу, пока не передумала.

Мари купила стакан чая и пошла вдоль набережной. Чай обжигал пальцы сквозь картонную подставку. Над водой кричали чайки. Она уже начинала сердиться на себя за нервозность, когда увидела перила.

Не те, что на фотографии: новые, с другой оградой. Но угол причала, линия склона на противоположном берегу и расстояние до входа в узкую улицу совпали в ощущении так точно, что она остановилась посреди тротуара. Ветер пах мокрым углём, хотя уголь здесь не жгли уже много лет.

Кто-то крикнул.

Мари обернулась слишком поздно. Курьер на велосипеде резко затормозил, заднее колесо занесло. Её оттолкнули к ограде, стакан вылетел из руки.

Мужская ладонь легла ей на талию.

Она успела почувствовать мокрую шерсть чужого пальто, холодные пуговицы и собственный ужас — непропорционально сильный, будто вместо велосипеда на неё летело что-то гораздо страшнее. Но под ужасом, глубже, проступило другое: горячая волна, какая бывает, когдаходишь с мороза в натопленную комнату. Тело узнало этот захват раньше, чем она успела разозлиться. Ладонь чуть выше, чем следовало. Пальцы раскрыты широко, привычно — так держит человек, который делал это не впервые.

— Смотрите перед собой, — произнёс мужчина по-русски.

Она подняла голову.

Дымчато-голубые глаза. Суровый, почти злой взгляд. Седина у висков, которой не было на фотографии. Тот же рот.

Мари перестала чувствовать пальцы.

Мужчина тоже замер.

Его рука всё ещё придерживала её, но теперь в этом движении не осталось уверенности. Он смотрел ей в лицо с таким напряжением, словно боялся моргнуть.

— Мари?

Звуки набережной отдалились.

— Откуда вы знаете моё имя?

Слишком поздно она вспомнила сообщение: «Не отвечайте». Она ответила с первого же слова.

Мужчина отпустил её, будто вопрос обжёг. Но не сразу — на полмгновения пальцы ещё удерживали, не желая слушаться.

Велосипедист извинялся, поднимая сумку. Мужчина ответил ему коротко и резко. Мари не поняла слов, но поняла достаточно, чтобы вмешаться:

— Он меня не тронул. Вы успели.

Незнакомец перевёл взгляд на велосипед. Пальцы его правой руки всё ещё сжимали погнутую металлическую стойку, за которую он схватился, удерживая их обоих у края. Он заметил это и разжал ладонь.

На мизинце белела тонкая полоса.

Мари вытащила из сумки конверт.

— Это вы?

Он посмотрел на фотографию. Лицо стало непроницаемым.

— Кто вам её дал?

— Сначала ответьте.

— Где вы остановились?

— Я задала вопрос.

Он шагнул ближе, заслоняя её от прохожих. Это было не угрожающее движение, но Мари всё равно отступила.

— Не делайте так.

Он остановился.

Несколько секунд они молчали. Мари замечала совершенно ненужные вещи: тёмную щетину, маленькую царапину у уха, то, как ровно он дышит, заставляя себя не двигаться. От него пахло дождём, холодным табаком и чем-то тёплым, чему она не могла подобрать имя, — а тело уже подобрало. Ему было около пятидесяти. Может быть, меньше. Она была достаточно взрослой, чтобы её не смущала разница, но сейчас её смущало другое: тело узнавало человека, которому разум не мог доверить даже сумку.

Хотелось коснуться его щеки.

Хотелось ударить за то, что он это заметил.

И ещё — совершенно непристойно, посреди набережной, при свете дня — хотелось, чтобы он снова взял её за талию.

На рассвете она смотрела на этого мужчину изнутри собственного сна. Теперь видела при ярком свете, и от этого стало жарко до самых ушей.

— Да, — сказал он наконец. — На фотографии я.

Мари почти обрадовалась. Безумие, произнесённое вслух, можно было отвергнуть.

— Ей больше ста лет.

— Знаю.

— Тогда вы плохо выбрали шутку.

Она убрала конверт. Он посмотрел на её сумку и увидел латунную крышку футляра.

— Джем, — сказал он. — Он нашёл вас.

— Вы с ним знакомы?

— Мне нужно отвести вас отсюда.

— Вам нужно перестать говорить, что мне делать.

Это вырвалось громче, чем она собиралась. Проходящая с пакетом оглянулась.

Мужчина сжал челюсть. Потом отступил на полный шаг.

— Меня зовут Александр Волков. Джем пытался связаться со мной вчера. Сегодня утром он сообщил, что отправил посылку. Я пришёл на встречу с ним. Вас здесь не должно было быть.

Имя не вызвало ничего: ни щелчка, ни вспышки. Только обиду, нелепую, детскую: тело знало его лучше, чем она — это имя.

— А где мне следовало быть? В больнице?

Она увидела, как он изменился. Почти незаметно: взгляд ушёл с её лица на запястья, потом вернулся.

— Когда?

— Семь лет назад.

Он выдохнул сквозь зубы.

Мари стало холодно. Ей вдруг захотелось сказать ему всё: про потолок, про револьвер, про то, как она каждый год покупала себе подарок на день рождения, не зная, её ли это день. Про сон — нет. Про сон она не скажет ему даже под пыткой. Но само желание рассказать было опаснее любого приказа.

Она достала телефон и набрала Джема.

Длинные гудки.

Александр тоже позвонил. С тем же результатом.

Они одновременно опустили телефоны и посмотрели друг на друга: двое людей, у которых на другом конце никого не оказалось.

— Я иду в мастерскую, — сказала Мари.

— Я с вами.

— На расстоянии.

Он посмотрел на неё так, что на мгновение ей показалось: сейчас усмехнётся.

Но он только кивнул.

* * *

Они поднимались по узкой улице молча. Он держался на шаг позади и левее, так, чтобы закрывать её от проезжей части, и было неясно, подчиняется он просьбе о расстоянии или нарушает её с безупречной вежливостью.

На втором повороте он вдруг сказал, не меняя тона:

— Возьмите меня под руку.

— Нет.

— Мари. Пожалуйста.

Слово «пожалуйста» прозвучало так, будто он редко им пользовался и не был уверен в произношении. Но это не был ни флирт, ни приказ. Она положила пальцы ему на локоть.

Рука под сукном оказалась как камень: тёплая, напряжённая, готовая в любую секунду стать чем-то совсем другим.

— Не оборачивайтесь. Человек у лотка с кукурузой. Со свёрнутой газетой. Он остановился, когда остановились мы на набережной. Сейчас идёт в сорока шагах.

Мари посмотрела в витрину лавки медника. В стекле, поверх выставленных кофейников, отразился серый плащ, газета под мышкой и лицо, старательно изучавшее чужие подносы.

— Совпадение, — сказала она.

— Возможно.

— Но вы так не думаете.

— Я думаю, — ровно ответил Александр, — что человек, который держит газету и не читает её, обычно ждёт кого-то.

Он повёл её не по улице, а сквозь лавку: мимо удивлённого торговца, мимо стены сверкающих ковшей, потом по тёмному коридору, пахнушему кардамоном и мокрым камнем. Хозяин сказал что-то вслед; Александр бросил ему несколько монет, не считая, и открыл боковую дверь.

За ней оказалась арка — глубокая, узкая, пустая. Он втянул Мари внутрь и встал так, чтобы заслонить её от улицы.

Они оказались слишком близко.

Мари прижалась спиной к холодному камню. Его ладонь упёрлась в стену рядом с её головой, плечо загородило свет. Она слышала его дыхание — частое, глубокое, — и чувствовала, как бьётся его сердце: быстро, неровно, совсем не так, как должно биться у человека, которого она минуту назад считала каменным.

Мимо арки прошли шаги. Остановились. Двинулись дальше.

Ни он, ни она не пошевелились.

Её ладонь лежала у него на груди — она не помнила, когда успела её туда положить. Под ладонью толчками билось тепло. Его взгляд опустился на её губы и вернулся к глазам, и в этом возвращении было столько усилия, что Мари перестала дышать.

— Он ушёл, — сказала она шёпотом.

— Да.

— Можно отойти.

— Можно.

Никто не отошёл.

Потом Александр отвёл руку от стены, и холод сразу кинулся ей в лицо, как вода.

Она достала телефон, потому что надо было куда-то деть дрожащие пальцы. Отправила Дефне адрес и короткое сообщение. Потом сфотографировала Александра, не спрашивая разрешения, и переслала Нике.

— На случай, если вы окажетесь убийцей, — объяснила она.

Его лицо осталось суровым.

— Правильно.

Этот ответ понравился ей гораздо меньше, чем мог бы понравиться смех.

Глава 4

Красный свет

У двери мастерской стояла миска для кошки.

Позже Мари будет помнить именно её: белую, со сколотым краем, наполненную ещё влажным кормом. Джем совсем недавно выходил сюда. Наклонялся. Может быть, подзывал животное и ворчал, что оно слишком привередливо для уличного кота.

У входа в переулок Александру позвонили с неизвестного номера. Он слушал молча, не меняясь в лице; только свободная рука медленно сжалась в кулак. Потом убрал телефон во внутренний карман.

— Кто это? — спросила Мари.

— Ошиблись.

— Вы слушали две минуты.

— Люди иногда подолгу ошибаются.

Он ответил слишком ровно. Она не стала спорить, просто запомнила. Он велел ей подождать у стены и пошёл вперёд, осматривая окна верхнего этажа. Мари кивнула.

Но дверь мастерской была приоткрыта, и изнутри доносился звук воды. Забытый кран — такая мелочь, что ради неё легко нарушить любое обещание подождать.

— Джем?

Первую комнату занимали столы с лампами. На стене висели деревянные рамки, на сушилке лежали листы промокательной бумаги. На рабочем месте стояла чашка с недопитым чаем; над ней ещё поднимался пар. За перегородкой горел красный свет.

Мари шагнула внутрь.

Вода переливалась через край раковины. Мужчина сидел на полу, спиной к шкафу. Подбородок упирался в грудь. Одна рука была вытянута вперёд, будто он хотел выключить кран, но передумал.

Она узнала лицо с видеозвонка.

— Джем.

На этот раз собственный голос испугал её сильнее тишины.

Она опустилась рядом, не касаясь лежавших на полу предметов. Кожа у шеи была ещё тёплой, но пульса Мари не почувствовала. Пальцы дрожали; она знала, что может ошибаться. Она сняла пальто и накрыла им его плечи — глупое, ненужное движение, которым люди пытаются согласиться с очевидным.

Набирая экстренный номер, она заметила красную точку на белой плитке. Не кровь — отражение индикатора от маленького прибора под столом. Он мигнул один раз, когда она вошла, словно кто-то далеко отсюда отметил её приход.

Дверь во внутреннем коридоре скрипнула.

Мари подняла голову.

Мужчина в серой куртке стоял в трёх шагах. В руке у него была не отвёртка, хотя сначала она попыталась увидеть именно её.

— Телефон, — сказал он по-русски.

— Зачем?

— Не заставляйте повторять.

На экране у неё были фотографии снимка и запись звонка Джима. Мари поняла это раньше, чем успела испугаться. Её телефон нужен был не самому человеку. Он был нужен тому, кто его прислал.

Она бросила в него подставку с кистями.

Не обдумывая. Тело снова оказалось быстрее. Кисти рассыпались веером, мужчина прикрыл глаза, и Мари ударила коленом по выдвинутому ящику. Тот загрохотал между ними.

Она побежала к выходу.

Сзади схватили за ворот. Ткань натянулась на горле. Мари попыталась вывернуться; плечо пронзило болью.

Потом хватка исчезла.

Александр вжал человека в дверной косяк. Всё произошло так быстро, что она услышала удар прежде, чем поняла движение. Металл звякнул о пол.

— Кто послал?

Человек закашлялся.

Александр повторил вопрос. В его голосе не было ни ярости, ни страха. Именно это было страшно.

— Отпусти его, — сказала Мари. — Я уже вызвала помощь.

Он не слышал.

Она положила ладонь ему на предплечье.

— Александр.

Он посмотрел на её руку, словно возвращаясь с огромного расстояния. Ослабил хватку, но не отпустил. Из коридора донёлся топот. Второй человек ударил металлической дверцей, преградил проход и скрылся через чёрный выход. Александр отвёл Мари за перегородку, продолжая удерживать первого. Во дворе уже кричали.

— У вас кровь, — сказал он.

Она посмотрела на ладонь. Порез от разбитого стакана был совсем маленький. Но на руке темнел отпечаток чужой руки, а на запястье — чужая кровь, уже подсыхая.

— Там Джем.

Александр передал задержанного двум прибежавшим мужчинам из соседней лавки, велел держать его и вошёл в лабораторию. Мари осталась у двери, повторяя диспетчеру адрес.

Красный свет падал на её руки.

* * *

Он был очень густой, почти вязкий. Ложился на кожу, как нагретый воск, и от него хотелось двигаться медленнее.

Она стояла над ванночкой, опираясь локтями о края стола. В воде лежала стеклянная пластина, и на ней начинало проступать лицо. Она знала, чьё. Но смотреть на него было почти невыносимо.

— Не шевелись, — сказал он за её спиной. — Испортишь.

— Тогда не касайся меня.

— Не могу.

Он говорил совсем тихо, и от этого признания стало жарко. Его ладони легли ей на плечи, сухие, тёплые, пахнувшие реактивами. Он не торопился. Большие пальцы медленно прошли по шее, вдоль позвонков вниз, и остановились на первой пуговице.

— Здесь красный свет, — заметила она. — Мы ничего не видим.

— Тебе нужно видеть?

— Нет.

Он расстегнул пуговицу. Потом вторую. Ткань сползла, и сквозь неё в кожу вошёл тот же густой тёмный жар. Губы коснулись плеча. Не торопливо, не жадно — так касаются того, что боятся уронить. Она закрыла глаза, но красный свет продолжал светить сквозь веки.

— Пластина... — выдохнула она.

— Подождёт.

— Она проявится.

— Пусть проявляется. — Его рот был у её уха. — Она всё равно не будет красивее тебя.

Мари развернулась. Лопатками упёрлась в край стола; ванночка качнулась, вода плеснула на пол. Они оба засмеялись — шёпотом, чтобы не нарушить тишину. А потом он взял её лицо

в ладони и перестал смеяться. Всё стало медленным: его пальцы в её волосах, её руки, вцепившиеся в его рубашку, дыхание, которое он делил с ней на двоих. Красный свет качался на его ключицах, на её запястьях, на влажном блеске губ. Она слышала, как капает вода, как стучит сердце — не поймёшь чьё, — и думала только: пусть пластина проявляется сколько ей угодно.

Позади них, в ванночке, из тёмной воды медленно проступало лицо — женское, строгое, с широко открытыми глазами. Оно смотрело в потолок. Оно смотрело на них.

— Не смотри на неё слишком долго, — прошептал он.

— Почему?

— Она смотрит в ответ.

* * *

Мари вздрогнула.

Вода шумела на полу лаборатории, холодная, обычная. Сердце колотилось так, что отдавало в зубы. Кожа на плечах горела — именно там, где в её видении лежали его губы. И на несколько секунд, глядя на мёртвого человека, накрытого её пальто, она ощутила то, чему не должно быть места в такой комнате.

Желание.

Отчаянное. Беспамятное. Совершенно неуместное.

Она прижала ладонь ко рту. Захотелось умыться, содрать с себя эту кожу, которая не понимала, что произошло. Телу было всё равно. Оно знало только красный свет и человека, который снимал с неё одежду.

Она не заплакала. Для слёз было слишком стыдно.

Александр вышел из-за перегородки.

Лицо у него было серым. Он смотрел на неё так, будто ждал, что она скажет что-нибудь резкое, и приготовился выдержать.

— Он... — начала она.

— Нет, — тихо сказал Александр. — Уже нет.

— Он был тёплый.

— Они ушли за минуту до вас. Может быть, за секунду.

Он стоял слишком близко. Она заметила красный отсвет на его щеке. И подумала с ужасом: сейчас он поймёт.

Он ничего не понял. Только взял её руку — ту, с порезом, — повернул ладонью вверх. Мари стояла и смотрела, как он перевязывает её платком Джема, найденным на столе, неумело, неловко, с мучительной осторожностью. Его пальцы скользнули по запястью. Остановились. Мари перестала дышать.

— Больно?

— Нет.

Больно было совсем в другом месте.

* * *

Потом появились полицейские.

Они разделили свидетелей. У Мари спросили паспорт, время входа, знакома ли она с погибшим. Из угла достали нож нападавшего; у Александра из-под пальто — пистолет. Он назвал номер разрешения прежде, чем спросили.

— Вы пришли на встречу вооружённым? — спросила Мари по-русски, когда их на минуту оставили вдвоём у двери.

— Я пришёл на встречу с человеком, который прислал вам фотографию столетней давности. Мне показалось разумным.

— А мне — нет.

— Тогда вам повезло, что на этот раз я ошибся.

Нападавшего уводили мимо них. Он поднял голову и, не обращаясь ни к кому, сказал Мари, тихо, вежливо, почти ласково:

— Вас ждут, госпожа. Давно.

Александр шагнул к нему. Полицейские сомкнулись.

Пока санитар закрывал лицо Джема, из-под шкафа выплыла полоска бумаги. Вода уже покрывала пол тонким слоем. Мари хотела поднять её, но полицейский остановил.

— Там что-то написано, — сказала она.

Он достал бумагу сам, в перчатках, и положил в прозрачный пакет.

На ней стояли цифры: 146.

А ниже, по-русски, неровными буквами:

«Не все умерли».

Она посмотрела на Александра.

Он смотрел на цифры. Одну секунду. Меньше. Но Мари успела заметить, как из его лица ушла кровь, а в глазах вспыхнуло что-то слишком быстрое, чтобы назвать его страхом. Скорее узнавание.

Потом он отвернулся, и лицо снова стало каменным.

* * *

Когда Мари вывели на улицу, кошка ела из белой миски. Люди обходили её, стараясь не наступить на хвост.

Мари остановилась, согнулась, и её вырвало у стены.

Александр был уже в полицейской машине. Он увидел это через стекло и дёрнулся к двери, но сидевший рядом сотрудник положил руку ему на плечо.

Мари выпрямилась сама.

Она ещё не знала, верит ли этому человеку. Она не знала даже, что хуже: что он, возможно, лжёт — или что её собственное тело не сомневается в нём ни секунды.

Но впервые за семь лет она заметила, что кто-то смотрит на её боль как на собственную.

И ещё: что человек, увидевший число «146», не удивился.

Глава 5

Показания

В полицейском кабинете пахло остывшим чаем. На подоконнике стоял кактус с единственной сухой иголкой, а рядом с клавиатурой — кружка, на которой детской рукой была нарисована оранжевая собака.

Мари смотрела на собаку, пока переводчица повторяла её имя.

Час назад она сидела на мокром полу рядом с человеком, который уже не дышал. Теперь ей предлагали уточнить, в котором часу она вошла в мастерскую. Ей хотелось ответить: между прежней жизнью и той, в которой руки не отмываются, сколько ни подставляй их под кран, прошло ровно четыре минуты.

— В телефоне есть звонок в экстренную службу, — сказала она. — За две или три минуты до него.

Следователь Эмре Тунч проверил запись. Он не перебивал, не утешал и не изображал недоверия, когда она рассказала о фотографии. Только попросил оригинал и объяснил, что вернёт после осмотра.

— Вы утверждаете, что человек на старом снимке похож на господина Волкова?

— Он не похож. Это он.

Тунч поднял глаза.

— Сейчас я могу записать, что вы его опознали. Причину сходства мы будем устанавливать отдельно.

Его спокойствие помогало держаться. Мир, в котором существовали протоколы и часы приёма, ещё не окончательно уступил место другому.

— Задержанный что-нибудь сказал? — спросила она.

— Ни имени, ни документов. Отпечатков в базе нет. — Он покрутил в пальцах карандаш. — В его телефоне один контакт. Буква «Р». Русский номер, которого не существует ни у одного оператора.

— А то, что он сказал мне у выхода?

— «Вас ждут, госпожа. Давно». Я слышал. — Тунч положил карандаш. — Скажите честно: вы когда-нибудь бывали в Стамбуле?

— Нет.

— Тогда обычно люди не ждут давно того, кого видят впервые.

Она хотела ответить резко, но у неё не нашлось сил. На вопрос, зачем Джем Аслан позвал её в город, Мари показала переписку. Следователь долго смотрел на фразу о больнице. Затем попросил согласия снять копии и записал ещё два телефонных номера.

— Мы нашли в мастерской три пустых ячейки в стеллаже для стеклянных негативов, — сказал он напоследок. — Пыль вокруг них свежая. Мне кажется, их вынули утром.

— Что в них было?

— Вот это я и хотел бы у вас спросить.

* * *

В коридоре ждала женщина в жёлтом плаще. Короткие тёмные волосы прилипли к вискам; бумажный пакет с едой промок насквозь.

— Дефне Кая. Я журналистка. Джем должен был прислать мне материалы сегодня вечером.

Мари остановилась.

— Откуда вы знаете, что я здесь?

— Он написал утром: «Если не отвечу, найди русскую антикваршу». Дал ваше имя. А потом я позвонила ему, и трубку взял полицейский. — Дефне показала экран, не приближаясь. — Я привела адвоката. Вы можете выбрать другого. Еда при этом остаётся вашей.

Мари вдруг поняла, что с утра ничего не ела. Она взяла пакет, села на пластиковый стул и откусила от ещё тёплой лепёшки. Челюсти не слушались.

— У Джема была семья?

— Мать умерла прошлой зимой. И кот, который отказывался считать его хозяином.

Мари вспомнила белую миску у двери мастерской. Вода в ней была совершенно чистой. Джем успел её сменить.

Дефне села рядом. Не стала говорить, что всё будет хорошо.

Через несколько минут она достала из бумажника фотографию мужчины с огромной рыбой.

— Мой брат. Керем. Семь лет назад уехал чинить проводку в частной клинике. Позвонил вечером: задержится до утра. Больше я его не видела.

— Полиция искала?

— Искала. Потом нашлись сообщения, будто он решил начать другую жизнь. Только перед исчезновением он купил матери запас лекарства на три месяца. Он мог быть безответственным с деньгами, но никогда не оставил бы её без звонка.

Мари посмотрела на смеющегося человека. На фотографии его большой палец неловко прикрывал рыбе глаз.

— Джем что-то узнал?

— Список. Последняя строка — сто сорок шестая. Мы связались с двадцатью семьями. Некоторые люди вернулись. Они помнят профессию, умеют водить машину, разговаривают на прежних языках. Но не узнают собственных детей.

Мари перестала жевать.

— Сто сорок шестая, — повторила она. — Это то, что было на бумаге.

— Какая бумага?

Мари рассказала. Дефне побледнела, но не перебила.

— Он не успел отправить мне главное, — сказала она наконец. — Значит, это и есть главное.

Из соседней двери вышел Александр.

На костяшках его руки была свежая ссадина. Полицейский вернул ему телефон, но не оружие. Несколько секунд мужчины разговаривали; Александр подписал бумагу.

Дефне встала.

— Вы знали Джема?

— Да.

— Тогда почему не были с ним раньше?

Он посмотрел на неё, и Мари впервые увидела в его лице не холод, а усталость человека, которому этот вопрос уже задавали изнутри.

— Не успел.

— Очень удобные слова.

— Нет.

Дефне хотела сказать что-то ещё, но у неё зазвонил телефон. Она отошла к окну, прижимая трубку к уху; адвокат спрашивал, где её искать.

Коридор опустел. Они остались вдвоём.

* * *

Александр сел рядом, на самый край стула. Не коснулся её, не заговорил. Мари смотрела на собственные руки: на левой был платок Джема, пропитанный чужой кровью и её собственной. Он давно задубел и неприятно стягивал кожу.

— Дайте.

— Не надо.

— Это грязная повязка. Дайте руку.

Она не сразу поняла, что подаёт её. Он взял ладонь обеими руками и повернул к свету. Из кармана достал сложенный бинт и маленький пузырёк — всё это он, оказывается, выпросил у дежурного, пока писал показания.

Мари смотрела на его пальцы.

Они были крупными, с рубцами и затёртыми костяшками; пальцы человека, привыкшего к оружию. Но с её ладонью он обращался так, как обращаются с чем-то, что можно сломать взглядом. Платок осторожно отлепился от кожи. Он смочил ватку и коснулся пореза.

— Будет щипать.

— Знаю.

Щипало. Она втянула воздух сквозь зубы, и он на секунду поднял глаза — дымчатые, близкие, слишком внимательные. Потом опустил голову, и она увидела седину у него на виске, пробор, который не удавалось уложить, тонкую жилку у скулы.

— Расскажите что-нибудь, — попросила Мари. Голос подвёл её: вышло хрипло.

— Что?

— Что угодно. Чтобы я не думала.

Он помолчал, продолжая обматывать бинтом её ладонь. Виток, ещё виток. Каждый раз его большой палец проходил по внутренней стороне запястья, над самой жилкой, и там, где он касался, кожа становилась тонкой, как бумага.

— Ты терпеть не могла чужих перевязок, — тихо сказал он. — Говорила, что у меня руки как у мясника.

— Это неправда.

— Правда. А потом всё равно подставляла ладонь.

Они оба замолчали. Мари поняла, что говорила «вы», а он отвечает «ты», и ни один не поправил другого.

Он закончил. Завязал узелок и не отпустил её руку.

Тишина стала плотной. Из-за двери доносился шелест бумаг и чей-то кашель. Пальцы Александра медленно прошли вверх по её запястью и остановились там, где под кожей билась жилка — неровно, быстро, выдавая её с головой.

— Мари.

— Не надо.

— Я ничего не делаю.

— Вы делаете.

Это была правда. Он сидел неподвижно, не пытаясь придвинуться, не пытаясь поцеловать, не говоря ничего, — и тело её тянулось к нему само, как растение к свету. Хотелось уткнуться лбом ему в плечо. Хотелось, чтобы он обнял её и держал, пока не перестанут трястись руки. Хотелось большего — того, о чём утром, в красной темноте, ей напомнила собственная память, — и от этого было так стыдно и так горячо, что она отдёрнула ладонь.

— Простите.

— Мне не за что.

— Мне есть.

Он кивнул, словно понимал больше, чем она сказала.

— Ты не должна ничего решать сегодня, — сказал он. — Ни доверять мне, ни гнать. Я просто посижу здесь.

И остался сидеть.

Дефне вернулась через несколько минут. Окинула взглядом их обоих — рядом, но не вместе — и ничего не сказала.

Дефне села напротив и достала из сумки пакетики влажных салфеток. Мари посмотрела на него с неожиданной злостью: сегодня слишком много людей предлагало ей вытереть руки, словно этим можно было закончить случившееся.

Журналистка не протянула пакетик. Положила между ними.

— Для телефона, — сказала она. — На чехле кровь. Ты всё время переворачиваешь его этой стороной вниз.

Мари опустила взгляд. В бороздках пластика темнели сухие полоски. Она провела салфеткой, и кровь стала размазываться, не исчезая. Александр молча передвинул ближе урну.

— Кого-нибудь известили? — спросила Мари.

Дефне поняла не сразу.

— У Джема есть семья?

— Двоюродная сестра. Вызвали. Она едет.

— Я должна...

Мари остановилась. Что именно она должна? Рассказать женщине, что её родственник умер, дожидаясь гостыи из Петербурга? Объяснить, ради какого невозможного снимка она прилетела? Извиниться за собственное опоздание, хотя ей никто не назначал времени, в которое ещё можно было успеть?

— Ты можешь пока просто сидеть, — сказала Дефне.

На другом конце коридора мужчина в рабочей куртке спорил с сотрудником. Рядом с ним стояла маленькая девочка с рюкзаком и тихо водила ногой по шву между плитками. Мари заметила, что каждый раз ребёнок останавливается перед трещиной, будто та была настоящей ямой. Ей вдруг стало важно увидеть, сумеет ли девочка переступить. Мужчина договорился раньше, взял её за руку, и они ушли.

— Он знал, что я приеду, — произнесла Мари.

— Джем?

— Да. Я могла прилететь вчера.

Дефне посмотрела на неё устало и внимательно.

— Могла. Могла не получить посылку. Могла не поверить. Мы сейчас составим очень длинный список того, чего не произошло. Он не объяснит, кто пришёл в мастерскую.

Мари снова взялась за телефон. Салфетка порвалась на углу чехла.

— Ты всегда так разговариваешь?

— Когда очень боюсь.

Честность обезоружила. Мари подняла голову.

— Ты тоже боишься?

Дефне отвела волосы от лица. За ухом темнело пятно краски, похожее на след от маркера.

— Джем обещал позвонить мне вчера вечером. Я занималась матерью и не перезвонила. У нас с тобой разные списки. Результат один.

Александр сдвинулся на стуле, будто собирался что-то сказать, но промолчал. Мари была благодарна: сейчас ей не хотелось слушать утешение от человека, чьё присутствие само требовало объяснений.

Из кабинета вышла переводчица. Протянула Мари стакан воды и спросила, правильно ли записана фамилия. Они сверили буквы. Две оказались переставлены; сотрудница исправила и попросила проверить ещё раз. Мари стало стыдно за облегчение, которое вызвала эта маленькая работа. Здесь было ясно, что верно, что неверно и как сделать лучше.

— Можно я добавлю кое-что к показаниям? — спросила она.

Переводчица кивнула.

— Я не уверена насчёт запаха в мастерской. Сказала «лекарство». Но, возможно, это было провяочное средство. Я с ними не работаю.

— Так и уточним.

— Это важно?

— Важно, что вы не уверены.

Позже Мари часто вспоминала именно эту фразу. В тот вечер она казалась разрешением не превращать каждое ощущение в улику только потому, что мёртвому человеку уже не помочь иначе.

Она допила воду. Пластиковый стакан прогибался под пальцами и издавал неприятный треск.

В коридоре появилась женщина в коротком пальто поверх домашней кофты. Обута она была в разные по цвету, но похожие туфли; заметив это, Мари поняла, как поспешно та собиралась. Женщина держала пакет с папкой документов. Дефне встала.

Они поговорили тихо, по-турецки. Женщина посмотрела на Мари, затем на Александра, спросила что-то короткое. Дефне ответила. Лицо женщины не изменилось. Она будто берегла его неподвижность, потому что любое движение могло разрушить остаток порядка.

— Она спрашивает, был ли он один, — перевела Дефне.

Мари выпрямилась.

— Когда мы вошли...

Она не смогла закончить. Александр начал было говорить, но женщина подняла ладонь. Ей не нужен был подробный рассказ.

Мари поняла вопрос слишком поздно. Не кто находился в помещении. Успел ли рядом оказаться хоть кто-нибудь, пока он ещё мог это заметить.

— Я держала его руку, — сказала она.

Это была правда, но не ответ. Она не знала, чувствовал ли Джем её пальцы. Не знала, слышал ли голос. Не могла подарить его сестре даже этой уверенности.

Дефне перевела без добавлений. Женщина кивнула, прижала папку к груди и прошла в кабинет. Пакет тихо зашуршал у неё под локтем.

Мари закрыла глаза. Хотелось, чтобы кто-нибудь осудил её: тогда можно было бы защищаться или просить прощения. Эта чужая женщина не сделала ни того ни другого. Унесла собственное горе мимо, и Мари осталась со своим бесполезным желанием иметь в нём понятное место.

— Как её зовут?

Дефне назвала имя. Мари повторила, чтобы не забыть, затем записала на свободном месте в блокноте. Рядом хотела поставить «сестра Джема», но остановилась. У женщины было собственное имя; хотя бы на этой странице оно могло постоять отдельно.

Телефон зазвонил. Ника. Мари увидела на экране кухню, знакомый абажур и испуганное лицо подруги.

— Я жива, — сказала сразу.

— Почему ты начинаешь с этого?

— Потому что всё остальное плохое.

Она рассказала коротко. Убрать подробности оказалось трудно: любое сокращение превращало смерть человека в новость, которую можно сообщить между делом. Ника слушала, не перебивая, только один раз отвернулась к кому-то за кадром и жестом попросила тишины.

— Хочешь, я приеду?

Мари посмотрела на Александра, потом на Дефне. Ей хотелось сказать «да» с такой силой, что стало ясно: сейчас она переложит на подругу свой страх, даже не подумав о дороге, деньгах, лавке.

— Пока не надо. Только побудь на связи.

— Я на связи.

Ника не стала предлагать обратный билет. За это Мари почувствовала к ней почти детскую благодарность.

Когда звонок закончился, Дефне подняла с пола упавший колпачок от ручки. Покрутила в пальцах, не зная, чей он, и положила на подоконник. Ничтожное движение вдруг напомнило Мари миску у мастерской.

— Кошка, — сказала она.

— Что?

— Её кормил Джем. Теперь кто?

Дефне посмотрела на неё, потом быстро написала кому-то сообщение.

— Сосед по мастерской. У него ключ от внутреннего двора. Я попрошу.

Мари кивнула. Спасти сегодня удалось только этот маленький завтрашний завтрак, о котором никто не обязан был помнить. Она вцепилась в него мысленно, пока за дверью объясняли незнакомой женщине, какие документы нужно подписать.

* * *

В дверях кабинета появился Тунч.

— Господин Волков. На минуту.

Мари услышала разговор, хотя её не звали. Следователь говорил по-русски, неторопливо, подбирая слова:

— Ваш вид на жительство выдан в тысяча девятьсот девяносто восьмом году. Основанием служит свидетельство о рождении, подписанное врачом. Врач этот умер в восемьдесят седьмом.

— Бывает, — сказал Александр.

— Бывает. — Тунч достал блокнот. — Ещё три ваших документа выдавались на разные фамилии. Я ничего не утверждаю. Я записал. Пока не спросил.

— Спасибо.

— Это не любезность, — ответил следователь. — Это сроки. Но не слишком надолго.

Он вернулся в кабинет. Александр постоял, глядя в пол. Потом поднял глаза и увидел Мари.

Она слышала всё.

Ни он, ни она не сказали ни слова.

На улице шёл мелкий дождь. Александр предложил отвезти их, но Мари отказалась. Ей нужно было хотя бы один раз за этот день самой решить, в какую машину сесть.

Он принял отказ сразу. От этого почему-то стало труднее.

— По вам не видно, что вам страшно, — сказала она.

— Это не достоинство.

Дефне открыла дверь такси. Мари забралась внутрь, прижимая к себе остывший пакет. Забинтованная ладонь отдавала теплом, точно к ней всё ещё прикасались.

Когда автомобиль тронулся, она обернулась. Александр стоял под дождём, не делая попытки его избежать. Уличный фонарь высветил серебро у его виска.

Он смотрел так, словно уже видел эту машину уезжающей.

— Что он сказал тебе? — спросила Дефне. — Этот человек. Волков.

— Что не успел.

— И ты ему веришь?

Мари посмотрела на свою ладонь.

Она могла бы ответить правду: тело верило ему с первой секунды. Каждый раз, когда он был рядом, оно становилось умнее разума. Но следователь только что назвал три чужие фамилии и умершего врача. Человек, которого она целовала в красном свете, мог оказаться кем угодно.

— Я хочу не верить, — сказала она. — Это самое страшное.

Глава 6

Место для второй

Мать Дефне встретила их вопросом, не пора ли на свадьбу.

— Сегодня четверг, мама. Свадьба была в мае.

Женщина смутилась. Поправила воротник домашнего платья и стала предлагать чай, словно только ради этого вышла в прихожую.

Дефне поцеловала её в щёку.

— Это Мари. Она поживёт у нас немного.

— Хорошо. Гостевое бельё наверху. Только Керему оставьте полотенце.

Дефне не ответила сразу. Потом сказала тихо:

— Если он придёт, я найду ему полотенце.

На кухне они сидели до полуночи. На столе между чашками лежали распечатки. Джем успел отправить Дефне копии нескольких карточек, но главное письмо застряло в отложенной отправке на его рабочем компьютере. Тунч обещал проверить его после изъятия техники.

Мари рассказала о больнице всё, что знала. Первые дни — белый потолок, отсутствие вещей, чужой голос, сообщающий её возраст. В выписке значилась черепно-мозговая травма после автомобильной аварии. Документы ей помогла восстановить сотрудница, которую Мари больше никогда не видела. Квартира, как потом объяснили, принадлежала ей ещё до больницы — перешла от дальней родственницы, чьего лица Мари так и не узнала по единственному снимку. Через три года Мари продала её и открыла лавку.

Дефне спросила, почему Мари не искала семью.

— Искала. По тем именам, которые мне дали. Все умерли. Всё было очень убедительно. Даже моя собственная подпись выглядела убедительно. Только я не помнила, когда училась её ставить.

Она помолчала и добавила:

— Потом мне захотелось хотя бы одну вещь выбирать без справки. Так появилась лавка.

Дефне развернула ноутбук. От коллеги пришёл файл: скан коллекции стеклянных негативов, которую Джем реставрировал весной.

Они нашли пристань на двадцать третьем изображении.

Мари сначала смотрела на Александра. На знакомую руку, на светлый надлом у мизинца. Только потом позволила себе перевести взгляд дальше.

Рядом с ним стояла она.

Не похожая женщина. Не родственница, от которой можно унаследовать подбородок и привычку наклонять голову. Мари узнала едва заметный шрам над левой бровью. Узнала четыре пальца, расправленные на перилах, и поджатый мизинец: так она делала, когда металл был слишком холодным.

Женщина смеялась. Александр улыбался ей.

В семи годах, которые Мари считала жизнью, никто никогда не смотрел на неё так.

Она встала слишком резко. Стул ударился о плитку.

— Это можно подделать.

— Да, — ответила Дефне. — Поэтому я запрашиваю историю коллекции и снимки до реставрации.

— И негатив?

— Его тоже.

Мари подошла к окну. На противоположной стороне улицы мужчина складывал стулья кафе. Каждый стул он протирал тряпкой, хотя через час снова намочит дождь. Ей до боли захотелось жить в мире, где можно просто закончить смену.

Телефон завибрировал. Ника просила написать, где она остановилась. Мари отправила адрес Дефне и долго смотрела на экран, прежде чем убрать телефон.

Ника позвонила немедленно. Говорила сначала громко, потом совсем тихо. В конце спросила:

— Ты сейчас одна?

— Нет.

— Хорошо. Тогда покажи этой женщине, где у тебя зарядка. Ты забываешь заряжать телефон, когда плохо.

Этот нелепо точный совет оказался спасительным. Мари достала зарядку. Мир снова обрёл хотя бы одно понятное действие.

* * *

Позже Дефне достала из шкафа толстый серый свитер.

— Он Керема. Мой на тебя не налезет в плечах. Если неприятно, найдём другой.

Мари осторожно взяла вещь. От неё пахло чистым хлопком, хотя Дефне, вероятно, не стирала её несколько лет.

— Тыохранишь всю его одежду?

— Нет. Сначала всю. Потом пришлось освободить место. Мама решила, что это значит — я перестала ждать.

Дефне открыла ящик, где лежали полотенца. В дальнем углу обнаружилась маленькая машинка с отломанным колесом.

— Он купил её себе, когда получил первую зарплату. В детстве такую не могли позволить. Три дня изображал, что это сувенир для знакомого мальчика.

Мари улыбнулась.

— А потом?

— Потом я наступила на неё ночью. И по его крику стало ясно, чей это мальчик.

Они рассмеялись. Впервые разговор о Кереме не заканчивался датой исчезновения.

Дефне положила машинку обратно, но ящик закрыла не сразу.

— Я боюсь, что тоже начну его придумывать. Буду помнить только хорошее. Он ведь был ужасно упрямый. Однажды три месяца не разговаривал со мной, потому что я не дала ему денег на мотоцикл. Я хочу снова злиться именно на него. Не на фотографию.

Мари провела пальцами по рукаву свитера.

— Я помню день, когда купила свой первый. После больницы. В магазине спросили размер, а я не знала, что ответить. Женщина решила, что я иностранка. Стала говорить громче.

— Помогло?

— Нет. Но почему-то стало смешно. Наверное, тогда я впервые поняла, что не обязана быть трагедией каждую минуту.

Дефне посмотрела на неё внимательнее.

— Джем сказал, что ты упрямая.

— Он успел поговорить со мной два раза.

— Ему хватило.

Из гостиной позвала мать. Дефне ушла; Мари осталась с чужим свитером в руках. На манжете обнаружилась починка, выполненная синими нитками вместо серых. Кто-то решил сохранить вещь, не сумев сделать повреждение незаметным.

Мари надела свитер. Он оказался слишком длинным в рукавах и очень тёплым.

* * *

Прежде чем подняться наверх, Мари попросила Дефне ещё раз открыть файл коллекции.

Теперь она старалась не смотреть на женщину у перил. Переписала обозначение папки, номер изображения, фамилию реставратора в сопроводительном письме. Рядом со знаменитой

уже пристанью были сняты пустой двор, торговец коврами и семейство, выстроившееся возле лестницы. У самого младшего мальчика получились два лица: он повернулся во время съёмки.

— Вот этот, — сказала Мари. — Открой крупнее.

Дефне придвинула ноутбук.

— Что там?

— Ничего про нас. Поэтому и открой.

На краю стекла тянулась светлая царапина. Такая же была на следующем негативе, чуть короче, а на третьем обрывалась у угла. Мари долго переключала изображения, сверяясь с перечнем. Некоторые номера пропускались. Возле одного стояла пометка о повреждении при перевозке.

— Если кто-то вставил наш снимок в готовую подборку, надо выяснить, когда, — объяснила она. — По этим картинкам я не скажу. Но у коллекции была жизнь до Джема. Где-то должны быть старые описи.

Дефне написала хранителю. Убрала из письма фразу «доказательство подлинности», заменила её вопросом о самых ранних доступных копиях.

— Ты хочешь, чтобы оказалось подделкой?

Мари провела ладонью по рукаву свитера.

— Каждые пять минут хочу другого.

Отправив письмо, Дефне открыла папку Джема. Там хранились три варианта одной таблицы. В первой было двадцать девять строк, в следующей — сорок одна. Возле фамилий менялись не только номера, но и короткие примечания: «ответила дочь», «не звонить днём», «нужен переводчик». Мари вдруг стало легче смотреть на это, чем на столетний снимок. Здесь было видно, как работают живые люди: ошибаются в адресе, перезванивают, откладывают разговор, потому что у собеседника смена.

В одной ячейке Джем написал: «Проверить, не два ли разных человека».

— Он ведь мог просто отправить тебе всё, что нашёл, — сказала Мари.

— Мог. Я торопила. У нас уже был текст для редактора.

— Почему не отправил?

Дефне показала последнюю переписку. Джем просил подождать с выводами: в двух документах совпадали имена, но расходились даты рождения. Ему казалось, что кто-то использовал чужие сведения повторно.

— Я ответила, что у нас не научная работа, — произнесла Дефне. — Теперь перечитываю и слышу себя. Как будто от того, что я устала ждать, два человека могли стать одним.

Мари не стала утешать. Поправила съехавший провод зарядки, и экран перестал мигать.

В гостиной мать Дефне позвала дочь: не могла найти очки. Они лежали на её коленях, прикрытые краем газеты. Дефне принесла футляр и вернулась минут через десять, уже без телефона в руке.

— Она спросила, приходил ли Керем на ужин. Я сказала, что нет. Больше ничего не смогла.

Мари подвинула ей кружку.

Они допили чай холодным. В письме хранителю появилась короткая строка ответа: запрос получен, проверка займёт время. Дефне хотела написать ещё, объяснить, что у них этого времени нет, но закрыла ноутбук.

Мари взяла лист с переписанными номерами. Внизу она оставила много пустого места. Раньше пустота на странице раздражала её: там должно было быть объяснение. Теперь хотя бы было понятно, чем её заполнять.

Из гостиной донёсся тихий стук. Мать Дефне пыталась разложить складной столик: одна ножка не доходила до упора. Дефне уже поднялась, но Мари остановила её жестом.

— Я посмотрю.

Женщина встретила её без удивления, как будто гостя была частью дома много лет. На столике лежали куски ткани, катушка белых ниток и рубашка с вырванной пуговицей.

— Он опять поторопился, — сказала она, показывая на рубашку. — Вечно цепляет сумкой.

Мари не поняла, о ком речь. Наклонилась к ножке, нащупала перекосившуюся скобу. Нужно было чуть приподнять крышку, ослабить давление, и металл встал на место.

— Вот так.

— Спасибо, милая. У меня пальцы уже не те.

Женщина протянула руку за иглой, затем остановилась. Несколько секунд смотрела на катушку, будто та была инструментом, назначение которого ей забыли объяснить.

Мари отвела глаза раньше, чем растерянность превратилась в стыд.

— Дома у меня похожий столик. Я его всё время чинила, пока не догадалась, что ставлю слишком близко к стене.

Это была правда, хотя сейчас говорила она ради паузы. Женщина взяла иглу. Нить не попадала в ушко; Мари предложила лампу, но не руки. После третьей попытки всё получилось.

— Вы занимаетесь вещами, — сказала хозяйка, словно вспомнив нужное.

— Антиквариатом. Небольшая лавка.

— Значит, умеете отличать старое от сломанного.

Мари улыбнулась.

— Иногда это одно и то же.

— Иногда. Но не всегда.

В дверях показалась Дефне. Мать подняла к ней рубашку.

— Скажи брату, пусть не дёргает ворот. Я не могу пришивать её каждую неделю.

Дефне подошла и села рядом. Вблизи Мари увидела, что пуговица отличается от остальных: чуть больше, с четырьмя отверстиями вместо двух.

— Он эту не носил, мама. Она папина.

Мать посмотрела на ткань и замолчала. Игла замерла в воздухе. В комнате стало так тихо, что из кухни было слышно, как вода по капле падает в мойку.

— Конечно, — сказала женщина наконец. — Папина. Я перепутала.

Она сложила рубашку слишком аккуратно, ещё не закончив шить. Дефне мягко вынула иглу, воткнула в подушечку и оставила всё на столике. Не стала убирать, словно вечерняя работа действительно просто откладывалась.

Мари захотелось уйти. Чужая уязвимость требовала хотя бы того, чтобы не стоять над ней свидетелем. Но женщина неожиданно взяла её за край рукава.

— Вы ведь тоже что-то забыли?

— Да.

— И вам всё время напоминают?

Мари кивнула.

Женщина отпустила рукав.

— Когда я не спрашиваю, мне иногда просто хочется выпить чай.

Дефне опустила голову. Слова относились к ним обоим, но слышала их каждая по-своему.

Они выпили ещё чаю. Мать Дефне рассказывала о соседке, которая выращивала на лестнице слишком много цветов. В рассказе менялись этажи, а соседка однажды оказалась живой в прежнем доме, снесённом давно. Дефне только спросила, какого цвета были цветы. Мари заметила, как старательно та удерживает вопрос простым.

Потом женщина устала. Дефне проводила её в спальню, а Мари осталась возле столика. На спинке стула висел кардиган. В кармане лежал сложенный лист с телефонными номерами,

крупно подписанными одним и тем же почерком. Мари увидела своё недавнее прошлое в чужой одежде и отступила, чувствуя, что заглянула куда не следовало.

Дефне вернулась босиком. Села на ковёр, прислонившись к дивану, и долго молчала.

— Я иногда начинаю спорить, — сказала она. — Знаю, что нельзя заставить её вспомнить правильное, и всё равно: нет, мама, он уехал тогда, нет, это было не зимой. Как будто я могу зацепить одну ошибку и вытащить за ней всё остальное.

Мари тоже села на пол.

— Ты устаёшь.

— Это объяснение. Не оправдание.

— Я не предлагала судить тебя.

Дефне потёрла лицо ладонями.

— Прости. Я уже сама с собой разговариваю чужими голосами.

На журнальном столике лежали два пульта. Один работал, другой мать Дефне упрямо хранила, потому что он удобнее лежал в руке. Дефне рассказала об этом почти с нежностью, затем вдруг рассердилась:

— И все говорят, что нужно ценить такие минуты. Каждую. Как будто мне нельзя иногда хотеть, чтобы никто не звал меня хотя бы час.

Мари не ответила сразу. Она знала, как легко сказать «можно» человеку, чью усталость не придётся унести домой.

— Я могу завтра посидеть с ней, пока ты выйдешь, — предложила она. — Если ей будет со мной спокойно.

— Ты приехала не для этого.

— А чай пить я приехала?

Дефне коротко улыбнулась.

— Завтра у нас встреча. С семьёй одного человека.

— Значит, в другой день.

Никакого торжественного обещания не понадобилось. Они ещё не знали, как быстро исчезнут свободные дни, но на несколько минут у Дефне появилось будущее, в котором помощь можно принять без стыда.

Она подняла с ковра оторвавшуюся нитку и намотала на палец.

— Керем раньше умел её рассмешить, когда никто уже не мог. Мог рассказать какую-нибудь глупость про автобус, и она потом неделю повторяла. Я не умею.

— Ты не обязана быть им.

Дефне посмотрела на Мари слишком резко.

— Знаю.

Но сказала так, будто слышала впервые.

Они вернулись на кухню. Ноутбук уже потемнел. Дефне открыла фотографию брата, другую, не ту, что рассылала для поисков. На этой он сидел за столом и закрывался от камеры чайным блюдцем. Видна была только половина лица и одна смеющаяся бровь.

— Все считают, что он был очень серьёзный, — сказала она. — Потому что в объявлении у меня фотография на документы.

Мари подумала о чужой половине на снимке, присланном Джемом. В одной жизни от человека осталась бровь над блюдцем, в другой — оборванное плечо. Она старалась не искать сходства слишком настойчиво: горе Дефне не было иллюстрацией к её собственной загадке.

— Можно я запомню эту? — спросила она.

— Конечно.

Мари смотрела на экран, пока фотография не перестала быть изображением пропавшего и стала просто неудачным семейным кадром, который никто не хотел удалять.

Когда она собралась наверх, Дефне протянула ей чистое полотенце. Мари взяла, сказала спасибо и заметила возле дверного косяка две почти стёртые карандашные черты. Детский рост. Между ними было всего несколько сантиметров.

Она не спросила, чьи они. Впервые за день ей удалось пройти мимо вопроса, который мог подождать.

Комната под крышей пахла сухой лавандой. За окном шумел дождь, и вдалеке, за мокрыми крышами, плыли огни паромов.

Она лежала на спине и смотрела в потолок: обычный, белый, с трещиной в углу. Мари боялась потолков. Но этот был скучным, и от этого оказывался почти родным.

Телефон светился на подушке. Она написала Александру прежде, чем успела себя отговорить: «На второй половине я?»

Ответ пришёл почти сразу: «Да».

«Сколько мне лет?»

На этот раз он не ответил долго. Мари успела выключить экран, включить и выключить снова.

«Я знаю меньше, чем тебе нужно. Но больше, чем имею право скрывать».

Она набрала: «Тогда завтра».

Отправила. Хотела положить телефон на тумбочку, но пальцы не слушались. Свитер Керема пах чужим домом, а она думала о человеке, который сейчас сидел где-то в темноте с таким же светящимся экраном.

«Вы не спите?» — написала она.

«Я не сплю с тех пор, как увидел тебя на набережной».

Она прикусила губу. Пальцы замерли над клавиатурой, потом неожиданно для неё самой написали: «Расскажи мне что-нибудь, чего нет в документах».

Пауза была очень долгой. На экране то появлялись, то исчезали три точки; он писал и стирал. Мари представила, как он сидит, опустив голову, и хмурится над кнопками, как над трудным переводом.

Наконец пришло:

«Ты спишь лицом к стене, подложив кулак под щеку. Когда замёрзнешь — ищешь меня ногой, даже не просыпаясь».

Дыхание остановилось.

«Ругаешься по-французски, если не можешь справиться с застёжкой. Смеёшься во сне, когда я целую тебя в шею. Только справа, под ухом».

Мари медленно приложила пальцы к шее. Справа. Под ухом.

Кожа там вспыхнула, словно он действительно оказался рядом. Всё тело стало тяжёлым и тёплым, как на рассвете в чужой постели, и это тепло расходилось от шеи вниз, по ключицам, по животу, по внутренней стороне бёдер. Она закрыла глаза и тихо, прерывисто выдохнула.

«Это нечестно», — написала она.

«Знаю. Остановиться?»

Она смотрела на два слова долго. Пальцы набрали «да». Стёрли. Набрали «нет». Стёрли.

Мари перевернулась на живот, уткнулась лицом в подушку — и поняла, что улыбается, и что щеки горят, и что вот сейчас, сию минуту, ей хотелось бы услышать его голос, а не читать его слова.

«Не останавливайся», — написала она.

Три точки загорелись и погасли. Загорелись снова.

«Тогда закрой глаза и слушай. Я не умею красиво. Дождь, закрытые ставни. Ты стоишь на коленях на кровати, волосы распущены. Говоришь, что я не умею быть медленным. Я учусь заново уже сто лет и всё ещё не научился. Ты смеёшься. Потом перестаёшь».

Мари закрыла глаза.

Она видела его так отчётливо, что слышала скрип старых досок и шорох ткани. Чувствовала шершавую ладонь на бедре, горячее дыхание, зубы, осторожно задевшие кожу на плече. Рука сама поползла под свитер, под край ткани, и замерла. Мари вскочила, села, тяжело дыша, в слепой темноте комнаты с чужой подушкой и чужими воспоминаниями.

Телефон завибрировал в её ладони.

«Мари?»

Она не сразу смогла ответить. Потом написала только: «Я здесь».

«Я не хотел напугать тебя».

«Не напугал».

«Тогда что?»

Она долго сидела, глядя в темноту.

«Мне стыдно, — написала она наконец. — Человек умер сегодня. А я...»

Ответ пришёл не сразу.

«Тело не знает приличий, Мари. Оно просто хочет жить. Это не стыд. Это единственное, что у нас осталось от тех, кто не дожил».

Она заплакала — тихо, без всхлипов, — и поняла, что плачет не от горя, а оттого, что в первый раз за семь лет кто-то объяснил ей её саму.

«Спокойной ночи, Александр».

«Спокойной ночи».

Она выключила экран. Но заснула только на рассвете, уткнувшись носом в серый рукав.

Во сне она лежала под низким потолком. Над ней не было ни лампы, ни окна, только отражение воды, хотя сама она оставалась сухой. Кто-то за её головой считал вслух, сбивался, начинал снова.

* * *

Проснувшись, она включила свет и открыла фотографию ещё раз.

Мари долго смотрела на лица. Потом, уже придирчиво, на всё остальное: на воду, на лодки, на фонарь у спуска.

На заднем плане, у самого края причала, стоял третий человек. Он смотрел вниз, под перила, будто там находилось что-то важнее фотографа и счастливой пары.

Мари увеличила изображение.

Лица не было видно. Зато под его локтем проступала светлая полоса: край ступени, уходящей под пристань. А на лацкане пальто, в самом углу кадра, поймал свет маленький значок — три пересекающихся круга.

Она отложила телефон. Достала из сумки компас, открыла крышку и положила рядом с экраном. Три пересекающихся круга, выгравированные внутри.

Совпадали до последнего штриха.

Глава 7

Право уйти

Александр пришёл в девять и принёс хлеб.

Дефне открыла пакет, посмотрела на него, потом на гостя.

— У вас очень необычный способ явиться с признанием.

— Она раньше забывала есть, когда работала.

Мари, стоявшая в дверях кухни, почувствовала раздражение прежде нежности.

— Сейчас тоже забываю. Но об этом можно спросить меня.

Он коротко кивнул. Поставил хлеб на стол. В другой руке у него оказалась коробка с чайником.

— Этот зачем?

— Ваш вчера искрил.

Дефне посмотрела на розетку, потом рассмеялась так неожиданно, что напряжение чуть отпустило.

Они сели. Александр положил перед Мари папку, телефон и ключи от машины. Последний жест она поняла не сразу: он освобождал руки, отказываясь от привычной готовности уйти.

В папке лежали копии документов на Александра Ильича Волкова. Дата рождения: 1872 год. Дальше — другие фамилии, сменявшие друг друга, фотографии, почерк, который с десятилетиями становился менее размашистым. На одном снимке Александр был совсем молод. На следующем — почти таким, каким сидел теперь.

— В тысяча девятьсот двенадцатом мне было сорок, — сказал он. — После одного события я перестал стареть. Семь лет назад это закончилось.

— Какого события?

— Меня сфотографировали на стекло, подготовленное особым способом. Я тогда не понимал, чего это требует от других людей.

— А потом?

— Потом понимал.

За стеной мать Дефне включила телевизор. Из гостиной донеслась весёлая реклама стирального порошка. Мари подумала, что без этого звука не смогла бы продолжить разговор.

— Ты слышишь себя?

Она заметила это «ты» уже после того, как оно прозвучало. Александр тоже заметил. Ничего не сказал.

— Каждое слово.

— И что я должна сделать? Поверить, потому что ты красиво лежишь в старых архивах?

Угол его рта дрогнул.

— Проверить. Здесь места хранения. Часть документов доступна независимо от меня.

Дефне перелистывала страницы. Сначала бегло, потом медленнее. На шестом снимке остановилась, вернулась к четвёртому, потом к двенадцатому. Взяла лупу.

— Мари. Посмотри.

Три фотографии из разных десятилетий: набережная двадцатых, привокзальная площадь пятьдесят шестого года, кафе с официантами в белых куртках. В каждом кадре Александр стоял у края. В каждом кадре, в глубине, находился один и тот же человек. Высокий, в светлом пальто. Лицо разобрать было невозможно: то отвёрнутое, то закрытое шляпой, то размытое тенью. Но стоял он одинаково — слегка склонив голову, заложив руку за спину.

— Ты его знаешь? — спросила Мари.

Александр взял лупу и несколько секунд смотрел молча.

— Нет.

— Он на трёх снимках за тридцать лет.

— Я его не знаю.

Он положил лупу. Мари поняла, что он не лжёт: он действительно не знал этого человека. И это было страшнее любой лжи. Кто-то наблюдал за ним больше века, а он ни разу не обернулся.

— Продолжай, — сказала она.

Он продолжил. Рассказал, какие у него были проблемы с бумагами и как он научился менять города раньше, чем соседи начинали замечать. Что один раз решил умереть официально, и вышло плохо: его хоронили, а он слушал со стороны. Говорил ровно, без гордости. Дефне записывала не диктофоном, а ручкой на обороте квитанции, чтобы не мешать.

Мари разложила документы по порядку. Чем ровнее становился ряд, тем сильнее хотелось смахнуть его со стола. Человеческая жизнь не должна была помещаться в такую аккуратную линию дат, между которыми он почти не менялся.

— У тебя были друзья? — спросила она.

Александр словно ждал другого вопроса.

— Были.

— Те, кто не знал.

— Да.

— И ты просто уезжал?

Он посмотрел на крайнюю фотографию.

— Иногда писал. Иногда переставал. Сначала кажется, что так безопаснее для всех. Потом выясняется, что безопасность очень удобное объяснение трусости.

Мари взяла документ, выданный на другую фамилию. Человек на фотографии держал голову чуть ниже, чем на соседнем снимке. Возможно, его попросил фотограф. Возможно, он уже учился выглядеть другим.

— Ты привыкал к именам?

— К некоторым. Другие вспоминал, только когда меня окликали.

— И ни разу не хотелось остаться одним человеком до конца?

Он помолчал.

— Хотелось. Но каждый раз находилось что-то, что нужно пережить прежде.

Мари услышала в этом не романтическую бесконечность, а тяжёлую привычку откладывать окончательное. Сначала до следующей встречи, потом до окончания опасности, потом до ответа, который так и не приходил. Вечность оказалась похожа на ремонт, который нельзя закончить, потому что в доме продолжают жить.

— Кто-нибудь старел рядом с тобой?

Александр медленно провёл пальцем по краю папки.

— Один человек, у которого я снимал комнату, научил меня варить кофе. Я всё время кипятил слишком долго. Он ругался, говорил, что я порчу и воду, и утро. Мы прожили в одном доме несколько лет. Потом я уехал. Когда вернулся, он уже плохо видел. Узнал голос, не лицо. Сказал, что я наконец стал говорить медленнее.

— Он понял?

— Не знаю. Я всё приготовил для признания. Даже начал. А он попросил переставить чашку, потому что не мог её найти. Я переставил. И решил, что разговор не нужен.

Мари представила, как он сидит у чужой кровати с готовой великой тайной, а другому человеку нужен лишь удобный край стола. Ей стало печально от того, сколько таких дней могло выпасть из рассказов, где оставались только опасности и годы.

— Ты пришёл ещё?

— Да.

— До конца?

— Нет. Я снова уехал.

Он не стал объяснять, почему. Мари не спросила. Не потому, что простила, а потому, что чувствовала: объяснений у него достаточно, чтобы занять ими всю оставшуюся жизнь.

С кухни донёсся голос матери Дефне. Она спрашивала, где маленькая кастрюля. Дефне ответила, что в нижнем шкафу, потом встала помочь. Мари ждала, пока шаги вернутся. Разговор о столетиях всё время прерывался бытовыми звуками, и только благодаря этому его можно было выдержать.

— А последние семь лет? — спросила она. — Когда всё закончилось.

Александр поднял голову.

— Сначала я не заметил. Потом стала хуже заживать рана. Потом пришлось покупать очки сильнее. Очень обыкновенные вещи.

— Ты испугался?

— Да.

Мари поймала себя на жестокой радости. Он испугался того, с чем остальные люди живут всегда. Тут же стало стыдно: страх не становится смешным оттого, что пришёл поздно.

— Не смерти сразу, — добавил он. — Того, что время перестало соглашаться подождать. Я мог потерять месяц на ошибочный адрес. Раньше это было неприятно. Теперь я начал считать.

— Меня искал?

Он кивнул.

— И считал, что я должна это оценить?

Александр посмотрел на неё долго.

— Иногда.

На этот ответ Мари не нашла слов. Он не пытался казаться лучше, но честность сама по себе ещё не делала его безопасным человеком. Она могла стать новой формой просьбы о вознаграждении: я признался, теперь ты должна понять.

— Я не умею правильно на это отвечать, — сказала она.

— Не нужно правильно.

— Для тебя, может быть, не нужно. А мне кажется, что любое движение станет обещанием. Если возьму чашку, которую ты подвинул, если сяду ближе, если спрошу о твоей руке.

Он отодвинул папку, освобождая пространство между ними.

— Тогда скажем вслух. Чашка ничего не обещает.

Мари посмотрела на неё. Обычная керамика с тонкой трещинкой в глазури. Она взяла чашку и отпила холодного чая. Действие было настолько простым, что от него захотелось плакать.

Александр не улыбнулся победно. Не потянулся к её руке. Это помогло сильнее слов.

— Почему ты не стал учёным? — спросила она неожиданно.

Он удивился.

— Что?

— Столько времени. Можно было освоить всё. Все языки. Все ремёсла. Найти способ помочь людям.

Он посмотрел на окно.

— Времени много, внимания столько же, сколько у человека. Я не становился лучше только потому, что проживал ещё год. Иногда становился хуже, но увереннее в себе.

Мари подумала, что это первый ответ, который делает невероятное понятным. Лишние годы не превращают привычку в мудрость. Могут просто закрепить её так глубоко, что она начинает казаться законом мира.

— Ты чему-нибудь научился за эти семь лет?

Александр помедлил.

— Просить врача объяснить, что написано. Раньше уходил, если мне не нравился ответ. Покупать обувь по ноге, а не по воспоминанию о размере. Не ждать, что завтра автоматически будет достаточно сил.

Он говорил без усмешки. Мари заметила, как редко в его рассказе появляется тело, которому нужна обычная забота. Оно привыкло быть инструментом дороги и защиты, а теперь требовало внимания для себя.

Она хотела спросить, кто заботился о нём, пока он искал её. Не спросила. Вопрос слишком легко сделал бы её единственным возможным ответом.

Вместо этого перевернула фотографию и обнаружила на обороте чужую подпись. Название улицы, дата, две короткие строчки неразборчивым почерком.

— Кто снимал?

— Человек, который продавал фотоаппарат. Я хотел проверить.

— И ты сохранил пробный кадр семьдесят лет?

— Он сказал, что на нём я выгляжу добрым.

Мари подняла глаза. Александр выглядел смущённым почти до раздражения. Ему было легче признаться в страхе, чем в том, что одна чужая случайная похвала пережила рядом с ним десятилетия.

Она вернула снимок на место. Не сказала, что он и сейчас добрый. Не сказала обратного. Увидела человека, который хотел таким быть, и человека, который делал вещи, о которых она ещё не знала. Между ними не было чистой границы.

Вопрос, которого она избегала с начала разговора, наконец стал возможным. Мари положила ладони на стол, чтобы он видел, как они дрожат, и перестала подбирать безопасные слова.

— Мы любили друг друга? — спросила Мари.

Александр не отвёл взгляда.

— Я любил тебя.

— А я?

— За тебя я больше говорить не буду.

Слова задели её глубже, чем признание. Она ждала уверенности, права собственности, старых писем, которыми можно прижать к стене. Он оставлял пустое место. Ей придётся заполнить его самой.

— Почему ты не нашёл меня раньше?

— Мне сообщили, что ты погибла. Был пожар. Были документы. Я не поверил, но искать человека, которого вывезли под другим именем, трудно даже за семь лет. Джем нашёл тебя раньше меня.

— Почему тогда не дождался меня у самолёта?

— Не знал, приедешь ли. Он не дал мне рейс. Сказал, что ты испугаешься, если начнём решать всё без тебя.

Вспомнив мёртвого реставратора, Мари опустила глаза.

Дефне встала, собрала бумаги, сняла с вешалки жёлтый плащ.

— Мне нужно в редакцию. Запросы по коллекции должны пойти до полудня. Мама смотрит передачу про садоводство, это на час. — Она остановилась в дверях. — Не убейте друг друга. И не трогайте новый чайник, пока я не проверю розетку.

Хлопнула дверь. По лестнице простучали каблуки. В квартире остались двое людей и телевизор, где диктор рассказывал, как правильно подрезать розы.

* * *

Мари стояла у раковины. Вода текла на пустую чашку; она не замечала, что давно держит её под струёй.

— Вчера я был груб, — сказал Александр за её спиной. — На пристани, потом в мастерской. Когда мне страшно за тебя, я начинаю приказывать.

— Значит, придётся научиться иначе.

— Придётся.

Она выключила воду. Повернулась.

Он сидел за столом, не двигаясь. Руки лежали ладонями вниз, рядом с ключами и телефоном — на самом виду, ни разу не поднявшись к ней. Он не торопился встать. Не пытался подойти. Только смотрел.

— Зачем ты положил ключи?

— Чтобы ты видела, что я не стану тебя удерживать. Если захочешь уйти — уйдёшь. Из этой кухни, из этого города, от меня. Я не пойду следом.

Мари стало трудно дышать.

— Это красивые слова.

— Это единственное, что я могу сделать правильно.

Она подошла. Остановилась у стола, так близко, что колено коснулось его колена.

— Покажи руки.

Он перевернул их ладонями вверх. Шрамы, мозоли, широкий белый след на мизинце.

Она взяла его правую ладонь. Провела пальцем вдоль шрама. Он не шелохнулся, но дыхание его изменилось.

— Теперь ты, — тихо сказал он.

Мари медлила. Потом вытянула левую руку и откинула манжет. На запястье белели две бледные полосы: тонкие, ровные, оббегающие кожу кольцом. Те, которые ей объяснили стеклом.

Он посмотрел на них.

Лицо Александра ничего не выразило. Но Мари видела, как напряглись жилы у него на шее, как побелели ногти на краю стола. Он смотрел на отметины слишком долго, слишком внимательно для человека, который видит их впервые.

Он не спросил, откуда они.

Это почему-то испугало её больше, чем любой вопрос.

— Можно? — спросил он.

Она кивнула.

Он поднял её руку к лицу. Тёплое дыхание коснулось внутренней стороны запястья, а потом — губы. Сначала на одной белой полоске. Потом на другой. Медленно, бережно, с такой нежностью, что у неё закружилась голова. Он целовал шрамы, как будто просил у них прощения.

Колени предательски подогнулись. Она опёрлась свободной рукой о его плечо. Он поднял голову, и в дымчатых глазах стояло такое, чему она не нашла названия: боль, вина и что-то ещё — голод, долгий, терпеливый.

— Если я сейчас тебя поцелую, — сказал он хрипло, — это не будет значить, что ты что-то должна.

— Я знаю.

— Скажи, если не хочешь.

— Александр. — Она наклонилась так близко, что почувствовала его дыхание. — Замолчи.

Она сама поцеловала его.

Сначала осторожно, будто пробуя воду. Он замер, потом застонал едва слышно и ответил: ладонь легла на затылок, пальцы запутались в её волосах. Поцелуй был не таким, как во сне: настоящий, неловкий, с привкусом холодного чая и горечи. Она слышала, как гулко стучит у неё в ушах кровь. Он поднялся, не прерывая поцелуя, и стул с грохотом упал на плитку. Мари даже не оглянулась.

Её спина оказалась у столешницы. Его руки — на её талии, потом ниже, на бёдрах, подхватывая и усаживая на край стола. Мари обняла его ногами, и он издал глухой звук, в котором было всё его терпение, закончившееся одним махом. Её пальцы расстегнули верхние пуговицы его рубашки. Под ними была горячая, жёсткая от шрамов кожа и сердце, которое билось так, как не должно биться у человека, пережившего век.

— Мари...

— Тише.

Она прижалась губами к его шее, туда, где пульсировала жилка. Он запрокинул голову. Его ладонь скользнула под её свитер, по спине, вдоль позвоночника, и Мари выдохнула, вздрогнув всем телом.

— Керем?

Они замерли.

В дверях кухни стояла мать Дефне. В домашнем платье, с вязаной шалью на плечах и мокрым после умывания лицом. Она смотрела на Александра, слегка склонив голову, как смотрят на давно знакомого человека.

— Керем, это ты? Чай совсем остыл.

Мари соскочила со стола, одёргивая свитер, красная до корней волос. Александр не двигался. Рубашка расстёгнута на груди, губы припухли, а глаза — тёмные, совсем не такие, как за секунду до этого.

— Нет, — сказал он мягко. — Я друг Керема.

— Друг? — Женщина просияла. — Он обещал привести друзей на свадьбу. Вы придёте?

— Если получится.

— Получится, получится. — Она кивнула, будто всё давно решено, и ушла в гостиную, откуда снова зазвучал голос диктора.

Александр наклонился, поднял упавший стул. Поставил на место. Застегнул рубашку — по одной пуговице, медленно, не поднимая глаз.

— Я не могу ей этого обещать, — сказал он тихо.

— Ты не обязан.

— Обязан.

В его голосе было что-то, чему Мари не нашла объяснения. Не стыд за поцелуй. Что-то глубже. Оно мелькнуло и исчезло.

Она подвинула к нему ключи.

— Забери.

— Мари...

— Я знаю, что могу уйти. Ты не удерживаешь. Но пока я не решила, что делать. Не хочу, чтобы они лежали между нами, как будто ты ждёшь, когда я их возьму.

Он взял ключи. Положил в карман.

Она не простила его за ответы, которые ничего не объясняли. Не поверила документам до конца. Не знала, что делать с человеком в светлом пальто на трёх снимках. И с тем, как Александр смотрел на её запястья.

Но впервые за два дня поймала себя на желании задержать человека, когда он собрался уйти.

Это желание пугало сильнее фотографии.

Глава 8

Каталог пропавших

Севин принесла на встречу альбом, справку из больницы и маленькую варешку.

— Другую потеряли, — объяснила она. — Ему казалось смешным, что сын всё время теряет левую. Когда муж вернулся, я показала эту. Думала, такие вещи человек не забывает.

Они сидели в тихом кафе у остановки. Дефне заранее предупредила, что может не задавать вопросов и выключит запись по первому требованию. Севин согласилась говорить. Муж ждал у сестры; к незнакомым людям он относился спокойнее, чем к собственной семье.

Он исчез на одиннадцать дней. Вернулся аккуратно одетым, с правильно застёгнутыми пуговицами. Назвал свой адрес, попросил прощения за беспокойство. На сына посмотрел вежливо.

— Он умеет готовить его любимый суп, — сказала Севин. — Режет морковь именно так, как раньше. А почему так, не знает.

Мари молчала. Ей было стыдно своего облегчения: она не одна. Чужая беда не должна была служить подтверждением её собственной.

— Он спит? — спросила она неожиданно для себя.

— Плохо. — Севин провела пальцем по краю чашки. — По ночам сидит на кухне и считает. Тихо, одними губами. Доходит до ста сорока шести и начинает заново. Я спросила, что он считает. Он ответил: «Ступени». Но у нас в доме нет лестницы.

Мари почувствовала, как медленно холодеют руки. Сто сорок шесть. И сон, который она не рассказывала никому: кто-то за её головой, под низким потолком, сбивается и начинает сначала.

— Что с вами? — спросила Дефне.

— Ничего. Продолжайте.

Севин перевернула альбом. На задней обложке из кармашка торчал сложенный рисунок. Она машинально поправила его и вдруг рассердилась на себя.

— Я принесла всё, — сказала она. — Как на экзамен. Посмотрите: муж, ребёнок, отпуск. Мы существовали. Дайте мне справку, что я это не выдумала.

Дефне отложила ручку.

— Вам не нужно убеждать меня, что вы семья.

— Врачу тоже не нужно. Соседям. Его сестре. Все верят. Только ему от этого никак.

Мари осторожно спросила, что изменилось после возвращения. Не что он забыл, а как теперь проходит день.

Севин посмотрела на неё с недоверием, затем начала рассказывать. Утром муж вставал раньше всех. Проверял, есть ли хлеб. Тихо собирал посуду, стараясь не разбудить чужих людей в квартире, где прожил больше десяти лет. Называл сына по имени, но без обычного сокращения. Мальчик сначала исправлял, потом перестал. Однажды попросил разрешения пригласить друга и получил такое вежливое согласие, что весь вечер просидел у себя.

— Раньше отец спросил бы, сделал ли он уроки, — объяснила Севин. — А тут человек говорит: конечно, это ваш дом. Ваш. Не наш.

Она потёрла переносицу. На безымянном пальце белела полоска под обручальным кольцом: Севин всё время сдвигала его к костяшке и возвращала обратно.

— Я показала ему видео. Обыкновенное: сын учится ездить, муж бежит рядом с велосипедом. Там ничего особенного. Я сама кричу, чтобы осторожнее. Он посмотрел до конца. Потом попросил прислать ему файл. Поблагодарил. Как за фотографию места, где когда-то работал.

Мари представила Александра, который показывал бы ей собственное счастье на экране, и себя, обязанную растрогаться на нужной секунде. Ей стало невыносимо жалко обоих: того, кто протягивает память, и того, у кого руки не могут её удержать.

— Он знает, что вы здесь?

— Да. Сам сказал поговорить с журналисткой. Он хочет, чтобы нашли того, кто это сделал. Ему тоже плохо. Я понимаю. Только иногда мне хочется, чтобы он перестал так стараться быть хорошим гостем.

К столику подошёл официант. Севин попросила ещё воды, потом извинилась за то, что ничего не заказывает. Официант сказал, что всё в порядке. Эта короткая любезность неожиданно сломала её выдержку. Она закрыла лицо салфеткой.

Дефне выключила запись. Мари смотрела на раскрытый альбом, не решаясь ни убрать его, ни перелистнуть. На одной фотографии ребёнок стоял в луже, держа в руках туфли. Мужчина за ним смеялся так широко, что невозможно было рассмотреть глаза.

— Он всегда смеялся громко? — спросила Мари, когда Севин опустила салфетку.

— Очень. В кино я его одёргивала.

— А сейчас?

Севин подумала.

— Иногда над телевизором. Когда забывает, что я рядом. Я однажды подслушала из коридора и расплакалась. Он услышал и выключил. Теперь смотрит в наушниках.

Мари вспомнила, сколько раз сама принимала чужое огорчение за инструкцию к поведению. Может быть, именно так постепенно исчезали последние места, в которых человек мог просто жить: смех становился доказательством, отсутствие смеха — новым поражением.

— Я не знаю, что вам делать, — сказала она.

Севин посмотрела на неё почти с облегчением.

— Спасибо.

Дефне попросила разрешения вернуться к документам. Севин кивнула, вытерла стол возле стакана, хотя вода не пролилась.

В отдельном конверте лежало приглашение на короткую программу «работы с тяжёлыми переживаниями». Мужу его предложили после смерти отца. В приглашении говорилось о беседе, отдыхе и исследовании памяти. Севин думала, что речь идёт о психологе; сам он рассчитывал наконец перестать каждую ночь слышать больничный аппарат. Первую встречу перенесли. Вторую тоже. Потом выдали направление в другое учреждение, которое на вид не имело отношения к первому.

— Почему вы сохранили конверт? — спросила Дефне.

— В нём были билеты на автобус. Сын коллекционировал билеты. Я хотела отдать ему потом.

Мари наклонилась. На бумаге отпечатался прямоугольник клея. В нижнем углу остался маленький обрывок наклейки с номером заказа. Она попросила не отрывать его.

— Он что-то значит?

— Может ничего. Но конверты часто покупают пачками у одного поставщика. Иногда номер помогает узнать отправителя, даже когда сверху печатают другое название.

Она не стала говорить увереннее. В лавке такой след однажды вывел её лишь на оптовую покупку бумаги, которой пользовалось полгорода. Иногда улики оказывались просто следами того, что люди экономят на канцелярии.

Дефне сфотографировала конверт вместе с масштабной линейкой, потом отдельно номер. Севин следила с жадным вниманием. Мари поняла, что уже подарила ей надежду, хотя очень старалась этого не делать.

— Это только возможность проверить, — повторила она.

— Я понимаю. Просто никто не смотрел на конверт. Все смотрели на подпись.

Подпись мужа под согласием была настоящей. Севин не спорила. Спорила с тем, что после этого вопрос считался решённым. Человек согласился прийти на беседу — значит, всё остальное превращалось в продолжение его решения, даже если он сам не мог рассказать, что было дальше.

Дефне выписала названия организаций. Одно Севин вспомнила иначе: в разговоре звучало короткое имя, на бумаге длинное. Они записали оба. Срок пребывания не совпадал со сроком в направлении. На одном листе стояла дата выписки на два дня раньше возвращения.

Мари не заметила, как перестала думать о своей фотографии. Перед ними была история, у которой имелись начало, документы, человек за соседней улицей — и та же дыра посередине. Эта дыра не становилась меньше от количества аккуратных печатей.

Телефон Севин завибрировал. Она извинилась и ответила. Голос сразу изменился, стал мягче, с той нарочитой лёгкостью, которой взрослые часто прикрывают разговоры с детьми.

— Нет, я скоро. Да, куплю. Спроси у папы, он...

Севин замолчала.

— Хорошо. Я сама посмотрю.

Она убрала телефон и стала собирать альбом.

— Сын спросил, где лежит насос от велосипеда. Муж не знает. На прошлой неделе я нашла его в коробке, которую он сам подписал. Всё собиралась сказать.

Мари помогла придержать конверт, пока Севин застёгивала сумку.

— Можно я спрошу кое-что не для записи? — сказала Севин.

Дефне кивнула.

— Вы ведь тоже потеряли память. Вам кажется, что вас любят по ошибке?

Вопрос застал Мари без защиты. Она могла бы ответить осторожно, напомнить, что случаи разные. Но Севин спрашивала не о случае.

— Иногда, — сказала Мари. — А иногда кажется, что любят так правильно, что мне совсем негде поместиться.

Севин села обратно на край стула. Смотрела на Мари, и в её лице медленно менялось что-то болезненное.

— Я всё время рассказываю ему, какой он был замечательный отец.

— Возможно, он был.

— Был. Но я рассказываю так, будто нынешний...

Она не договорила. Достала телефон, набрала короткое сообщение и показала экран прежде, чем отправить: «Насос в синей коробке. Я скоро. Хочешь что-нибудь к чаю?»

Мари кивнула, хотя никто не просил одобрения.

Севин отправила. Ответ пришёл почти сразу. Она прочла и впервые за встречу улыбнулась, не глядя на фотографии.

— Он попросил те кривые печенья, которые я ненавижу. Всегда их любил.

Улыбка исчезла, когда она поняла, что снова ищет совпадение. Мари мягко сказала:

— Может быть, просто купите печенье.

После её ухода они с Дефне ещё некоторое время сидели молча. На столе осталось мокрое кольцо от стакана. Дефне перенесла записи подальше и включила телефон.

— Я сделаю отдельную заметку про приглашения, — сказала она. — Без обещания, что завтра всё объясню.

Мари смотрела, как официант уносит пустую чашку Севин. Чужая история требовала продолжения, а вокруг уже готовили стол для следующих посетителей. Это было одновременно жестоко и правильно.

* * *

На справке стоял знак из трёх пересекающихся окружностей.

Такой же Мари видела внутри крышки компаса. И на лацкане человека на старой фотографии, который смотрел под перила, пока двое смеялись у воды.

К вечеру у них собрались пять медицинских документов с этим знаком. Формально учреждения принадлежали разным компаниям. Несколько платежей вели к благотворительному фонду «Мнема», который поддерживал исследования памяти и реставрацию исторических коллекций.

На сайте фонда пожилой мужчина в светлом костюме обещал «сохранить самое ценное». Его звали Лев Северин.

Мари всматривалась в лицо. Ничего. Только раздражение от того, как уверенно лежала его ладонь на плече девочки рядом.

Ника прислала длинное голосовое сообщение. Она добилась ответа от сотрудницы больницы: международный перевод Мари в 2019 году согласовывала врач Лейла Демир. В выписке имя отсутствовало, но оно сохранилось в старой служебной переписке. Ника добыла лишь контакт, не чужую медицинскую карту; копии документов пообещали выдать самой Мари по заявлению.

— Я написала этой Демир, что ты её ищешь, — сказала Ника. — Она ответила: «Я знаю». Мне уже не нравится этот ответ.

Позже позвонил Тунч. Компас и фотографию можно было забрать. Вещественные следы зафиксировали; никаких опасных веществ обычная проверка не показала. Следователь отдельно предупредил не пытаться самим встречаться с людьми, которые могли быть связаны с убийством.

— Задержанный назвал имя Рауфа Кары, — сообщил он. — Пока только имя. Этого недостаточно для всех выводов, которые вы, вероятно, уже сделали.

Мари посмотрела на папку с пятью похожими историями.

— У вас тоже есть выводы?

— У меня есть работа. И теперь в ней стало больше людей.

* * *

Перед поездкой в участок они с Дефне разложили справки на кухонном столе. Для каждой понадобилось освободить место: убрать хлебницу, переставить вазу, отодвинуть сахар. Мать Дефне недовольно заметила, что из-за чужих бумаг им негде завтракать.

— Это ненадолго, — сказала Дефне.

Мари посмотрела на её лицо и поняла, что та сама не знает, что именно пообещала матери.

На справках отличались названия, адреса, подписи. Знак из трёх окружностей то стоял возле печати, то прятался в углу бланка. В одной копии его почти съел чёрный край сканера. Мари отметила это отдельно: без оригинала нельзя было понять, напечатан он или добавлен позднее.

— Вот здесь одна дата, — Дефне коснулась двух листов. — Их могли перевозить вместе.

— Могли. А могли пользоваться одним старым бланком.

Дефне раздражённо убрала руку.

— Ты говоришь как Тунч.

— Я говорю как человек, которому семь лет показывали очень убедительную выписку.

Они замолчали. За окном мужчина развешивал бельё под навесом, передавая прищепки изо рта в руку. Мари следила за ним, пока не смогла снова опустить глаза на бумаги.

В приложении к одной справке обнаружился адрес для возврата личных вещей. Дефне набрала номер, указанный рядом. Ответил мужчина; услышав название клиники, начал говорить быстро и сердито. Мари понимала только отдельные слова, зато узнала тон: так с ней разговаривали люди, которым в очередной раз приходилось объяснять, что они ничего не могут сделать.

Дефне включила громкую связь, представилась повторно и спросила, можно ли записать ответ.

Мужчина отказался.

Она выключила запись, ещё несколько минут слушала и положила телефон.

— Он работал на складе одежды. После смены владельца там оставались чужие пакеты. Имен не было, только номера. Он полгода пытался выяснить, куда их отправить. Потом склад затопило.

— Он помнит какие-нибудь номера?

— Не хочет говорить. Думает, его обвинят в том, что выбросил вещи.

Мари прочла название улицы. Оно не объясняло ничего, но теперь за ним стоял человек, таскавший мокрые пакеты и боявшийся телефона.

— Не проси его угадать, — сказала она. — Пусть посмотрит, сохранились ли письма, которые он сам отправлял.

Дефне написала короткое сообщение. Без обещания защитить от всего. Без слов о том, что от ответа зависит чья-то жизнь. Только контакт адвоката, если он решит сначала поговорить с ним, и просьбу не удалять старую переписку.

Ответ пришёл, когда они уже собирали стол. Мужчина нашёл фотографию ряда коробок: снимал для отчёта о протечке. На ближайшей сохранилась наклейка с кодом отправления.

Дефне увеличила её и тут же потянулась за ручкой.

— Это ещё не человек, — сказала Мари.

— Знаю. Это место, где его вещи оказались после него.

Она переслала находку Тунчу вместе с объяснением происхождения. Затем вернула хлебницу на стол. Мать молча подвинула её на прежнее место, ровно на ширину ладони.

Телефон снова зазвонил. Севин спрашивала, не нужно ли привезти ещё фотографии мужа. Дефне ответила, что пока достаточно, и впервые за утро перестала говорить так, словно каждый разговор должен немедленно дать результат. Мари сложила справки в папку. Между двумя листами осталась хлебная крошка; она смахнула её и вдруг подумала, сколько обычных кухонь понадобится, чтобы разобрать то, что помещалось в нескольких аккуратных шкафах фонда.

Александр отвёз её в участок за компасом и фотографией. Она не просила, он не навязывался: просто стоял у машины с таким видом, словно у него нет других дел.

Назад они поехали по набережной. Дождь кончился; в лужах качались огни. Мари долго смотрела в окно, потом сказала:

— Муж Севин не узнаёт собственного сына.

— Знаю.

— Но он режет морковь так же, как раньше.

— Знаю, Мари.

— Ты бы узнал меня? — Она повернулась к нему. — Если бы у тебя ничего не осталось. Ни фотографии, ни имени. Если бы ты увидел меня первый раз в жизни.

Он съехал на узкую площадку над водой, где днём стояли рыбаки, и выключил двигатель. Тишина стала такой плотной, что она слышала, как остывает мотор.

— Я узнал тебя на набережной, — сказал он. — До того, как ты назвала имя. До того, как я увидел лицо. Ты вышла из-за угла, и у меня остановилось дыхание.

— Это не ответ.

— Это единственный.

Стекло слегка запотело. Где-то внизу тихо плескалась вода о бетон.

Мари не знала, что произошло раньше: его рука легла на её щеку или она сама подалась навстречу. Он поцеловал её медленно, не закрывая глаз; потом закрыл. Это был не тот осто-

рожный поцелуй на кухне Дефне. Из него ушла осторожность. Остался голод, слишком долго не находивший выхода.

Она вцепилась пальцами в его воротник. Сиденье скрипнуло. Он притянул её через рычаг, и Мари оказалась у него на коленях, лицом к лицу, с его ладонями на бёдрах и своим дыханием у его губ. Мир стал очень маленьким: окна в белом пару, горячая кожа под её руками, глухое сердце, толкающееся ей в грудь.

— Мари. — Его голос был почти неузнаваемым. — Если мы сейчас...

— Знаю.

— Я не хочу, чтобы ты потом жалела.

— А если пожалею? — Она коснулась лбом его лба. — Ты меня не бросишь?

— Никогда.

— Не обещай, — выдохнула она.

— Тогда не обещаю.

Она засмеялась ему в губы, и он поцеловал её, глотая этот смех. Его пальцы нашли край её свитера. Скользнули под ткань, по рёбрам вверх. Она ахнула, выгнулась, оперлась ладонью о стекло — и оставила на запотевшей поверхности отпечаток руки.

Они оба увидели его одновременно.

Пять расставленных пальцев, чётких, как на фотографии. Четыре прямо. Мизинец поджат.

Мари замерла.

— Что? — прошептал он.

— Это я. — Голос вышел чужим. — Я так делала. Там, на пристани. Когда металл был слишком холодным.

— Знаю.

— Мне страшно, — сказала она вдруг. — Не от тебя. От того, что тело помнит вещи, которых я не знаю. Что, если оно помнит и то, что мне лучше не знать?

Он обхватил её лицо ладонями.

— Тогда мы будем узнавать вместе. По одной. Когда ты скажешь «хватит» — я остановлюсь.

— А если я не скажу?

— Тогда я всё равно спрошу.

Она прижалась к нему. Долго сидела, уткнувшись лбом ему в плечо, пока дыхание не стало ровным, а его руки не перестали дрожать. Потом перебралась обратно на своё сиденье — смущённая, растрёпанная, с горящими губами.

Он завёл мотор.

— Не здесь, — сказала она тихо. — Не сегодня. Но...

— Я понял.

— Не останавливайся совсем.

Уголок его рта дрогнул.

— Не планировал.

Пока он выруливал на дорогу, Мари провела пальцем по запотевшему стеклу, стирая отпечаток. Тот не исчезал сразу, и ей почему-то казалось важным, чтобы никто, кроме них, его не увидел.

* * *

Дефне ждала на кухне с ноутбуком. Она получила приглашение на открытый вечер фонда. Не обманом: её редакция и раньше освещала выставки. Мари значилась сопровождающим специалистом по антиквариату. Тунчу отправили время и адрес; он просил наблюдать и сразу уходить при угрозе.

В электронном каталоге были старинные камеры, портретные миниатюры, стеклянные пластины. Несколько работ назывались странно: «Первый снег», «Голос матери», «Женщина на пристани».

Рядом с названиями стояли инвентарные номера. Дефне соотнесла два из них с номерами партий в документах клиники.

— Совпадение? — спросила Мари.

— Пока совпадение, которое стоит проверить.

— «Женщина на пристани», — медленно сказала Мари. — Это та же пристань?

— Описание закрыто. Только год: тысяча девятьсот тринадцатый.

Мари молча положила ладонь на стол. Всё ещё слегка покалывали губы. А вот теперь стало холодно.

Последняя миниатюра была закрыта серой заглушкой. Под ней значилось: «Анна. Частная коллекция».

Мари почувствовала запах горячих ягод.

Он возник так отчётливо, что она оглянулась на плиту. Чайник был выключен. На столе стояли только пустые стаканы.

Девочка засмеялась совсем близко от её уха.

Мари дёрнулась. Стул скрипнул.

— Ты слышала?

Дефне подняла голову.

В кухне было тихо.

Глава 9

Город под кожей

Дом, в котором Мари когда-то жила, оказался стоматологической клиникой.

Она стояла у входа и смотрела на плакат с безупречной улыбкой. Александр ждал рядом, не предлагая подняться. За стеклянной дверью женщина в голубой форме разговаривала по телефону.

— Ты надеялся, я узнаю окна?

— Надеялся, тебе здесь будет легче.

— Мне хочется удалить зуб, которого у меня не болит.

Он впервые рассмеялся. Негромко, удивлённо, словно смех застал его врасплох.

Мари почувствовала почти физическую ревность к женщине на фотографии. Та умела вызывать у него эту улыбку. Знала, какой он до первого утреннего слова, когда устал, когда притворяется, что ему не больно. Сама Мари знала лишь, как он смотрит на опасность.

На соседней улице Александр остановился перед магазином канцелярских товаров. В витрине продавались школьные рюкзаки, дешёвые рамки и наборы фломастеров. Он смотрел на дверь слишком долго для человека, которому понадобилась ручка.

— Здесь тоже было что-то наше? — спросила Мари.

— Переплётная мастерская.

— Всё в этом городе было чем-то нашим?

Он отступил от витрины.

— Нет. Просто я выбираю улицы.

Она оценила ответ не сразу. Он не вёл её по городу; выбирал из города то, что могло работать на него. Даже когда молчал.

— Тогда сегодня выбираю я.

Александр кивнул. Мари свернула в первый переулок, у которого не было ни красивой вывески, ни обещания воспоминаний. Там выгружали мешки, кто-то мыл пластиковые ящики, пахло сыростью и хлебной коркой. В конце оказался тупик.

— Отличное начало, — сказала она.

— Можно вернуться.

— Я заметила.

Они пошли обратно, и Мари вдруг стало легче. Её маршрут имел право оказаться бессмысленным. Он не обязан был привести к уцелевшей комнате, к чудесному узнаванию, к очередной женщине, которую Александр любил задолго до её рождения на больничной койке.

У дороги стоял старик с тележкой. Одно колесо застряло между плитами, верхняя коробка накренилась. Мари придержала её, пока старик вытаскивал тележку. Александр помог только после её взгляда, и это её раздражило. Но раздражение было своим, сегодняшним; с ним хотя бы не приходилось обращаться как с древней драгоценностью.

Старик поблагодарил их, показал на соседний проход. Там можно было выйти к основной улице, не поднимаясь по лестнице. Мари обрадовалась маленькому практическому последствию доброго дела и тут же почувствовала себя смешной за эту радость.

В проходе она остановилась у объявления о пропавшей кошке. Под фотографией были оборваны почти все полоски с номером. Оставалась одна.

— Как ты узнавал меня? — спросила она.

Александр не сразу понял переход.

— Когда мы терялись. Ты говорил, такое бывало. Как искал?

— Через людей. Документы. Слухи.

— И если узнавал, что я не хочу встречаться?

Он смотрел на единственную бумажную полоску.

— Иногда продолжал искать.

Мари ждала объяснения. Он не добавил, что делал это ради неё, и от этого разговор стал труднее: нечего было опровергать красивым ответом.

— Ты считаешь это любовью?

— Тогда считал.

— А сейчас?

— Сейчас я стою в переулке, которого не знаю, потому что ты захотела сюда свернуть.

— Это не ответ на всё.

— Нет.

Она пошла дальше. Он держался рядом, не касаясь. Люди обтекали их в обе стороны; у стены молодой мужчина с ребёнком пытался сложить коляску, женщина терпеливо читала инструкцию на телефоне. У всех были свои препятствия, не связанные с бессмертием.

— Я боюсь быть неблагодарной, — сказала Мари.

Слова выскочили прежде, чем она решила их произнести.

Александр повернул голову.

— За что?

— За то, сколько ты меня ждал. Если я скажу, что мне нужно ещё время, это будет выглядеть... мелко. Семь лет против твоего века.

Он остановился. Пришлось отойти к стене, чтобы не мешать прохожим.

— Не складывай это так.

— А как?

— Мои годы не счёт, который ты должна оплатить.

Мари хотела поверить немедленно. Именно поэтому всмотрелась ему в лицо.

— Ты сам в это веришь?

Александр медленно выдохнул.

— Я стараюсь не вести себя так, будто не верю.

Это было меньше, чем хотелось услышать, и больше, чем он говорил раньше. Мари позволила себе остаться возле стены ещё на минуту.

Ветер перевернул край объявления. На обороте проступали буквы другого листка, поверх которого приклеили кошачью фотографию. Город хранил свои слои небрежно: новый клей, старая краска, чужие просьбы, которые никто не успел снять после благополучного конца.

— Расскажи, что тебе во мне не нравилось, — попросила она.

Александр посмотрел на неё с таким испугом, что Мари впервые пожалела его без прикосновения.

— Не историю, в которой недостаток окажется достоинством. Что-нибудь настоящее.

Он задумался.

— Ты могла решить за человека, что ему полезнее знать меньше.

Мари перестала улыбаться.

— Как ты.

— Да.

Она отвернулась. Ей хотелось получить безобидный изъяс: привычку бросать книги раскрытыми, нелюбовь к ранним подъёмам. Что-нибудь, позволяющее узнать себя и остаться хорошей. Он дал другое.

— Это ещё ни о чём не говорит, — произнесла она.

— Я знаю.

— Я могла...

Она остановилась, заметив, как быстро начала защищать женщину, о которой ничего не знала.

Александр не воспользовался этим. Не стал рассказывать, почему следует простить и его. Стоял, чуть сутулясь, и ждал, пока она сама закончит думать.

— А безобидное? — спросила Мари наконец. — Было во мне хоть что-нибудь безобидно плохое?

— Ты забывала, куда убрала мои очки, и потом сердилась, что я плохо ищу.

— Я так и теперь делаю. Только очки Никины.

У него дрогнул рот. Мари увидела ту улыбку снова, но на этот раз не стала ревновать. Она возникла здесь, после неприятного разговора, и принадлежала им двоим ровно столько, сколько длилась.

Они вышли к шумной улице. Мари собиралась спросить, куда дальше, затем вспомнила собственное решение и выбрала поворот сама. Дорога пошла круто вниз; через несколько минут заболели ноги. Александр не сказал, что предупреждал бы её, если бы она позволила. Она была ему за это благодарна.

У витрины булочной он остановился проверить телефон. Мари отошла на шаг, давая ему возможность прочесть сообщение без её взгляда. Прежде она считала такое отступление вежливостью. Теперь поняла, как легко вежливость может стать добровольной слепотой.

— Что-то о нас? — спросила она.

— Пока нет ответа на один запрос.

— Какой?

Он назвал документ и человека, у которого пытался получить копию. Мари запомнила. Не потому, что поймала его на лжи. Потому что училась оставаться рядом, не превращая доверие в отказ от вопросов.

Они пошли вниз по улице. Владелец маленького кафе выставлял столики на полоску солнца, оставшуюся после дождя. Александр выбрал место лицом к двери.

— Привычка?

— В двадцать четвёртом человек, сдававший мне комнату, открыл дверь раньше, чем я успел встать.

— Он погиб?

— Да.

Мари больше не стала спрашивать. Любое число рядом с ним оказывалось годом, а любой год — чужой смертью. Ей захотелось найти вопрос, на который можно ответить без кладбища.

— Ты любишь музыку?

— Некоторые виды тишины дороже.

— Ужасный ответ.

— Тогда Шуберта.

— Уже лучше. А я люблю слушать, как Ника поёт, когда думает, что я ушла. Она фальшивит на каждой высокой ноте, но берётся за неё с такой уверенностью, что мне тоже становится смелее.

Он смотрел внимательно.

— Расскажи о лавке.

Она рассказала. О клиенте, который три месяца приходил к одному подсвечнику и наконец купил совершенно другой. О псе из соседнего двора, спавшем у батареи до тех пор, пока хозяева не переехали. О том, как сама впервые заплатила сотруднице зарплату и расплакалась в подсобке от счастья и страха.

Александр слушал без попытки вставить старое воспоминание вместо нового. Когда он спросил, какого цвета стены, Мари поняла, как давно ей не задавали простых вопросов о жизни, которую она действительно помнила.

— Жёлтые, — сказала она. — Не яркие. Как старое масло. Я красила их ночью сама и полдня потом отмывала ладони.

Она вытянула руку, показывая бледное пятнышко краски возле ногтя, которое так и не отошло. Александр посмотрел на него, потом взял её пальцы — просто взял, как берут чужую вещь, чтобы рассмотреть при свете. Большой палец прошёл по пятнышку. Раз. Другой.

Это было совсем не то прикосновение, что на кухне у Дефне. Ни просьбы, ни желания поспешить. Он просто держал её руку и тёр это пятнышко, будто хотел навсегда запомнить, где оно находится.

Мари перестала слышать кафе. Звон ложек, шипение кофемашины, голос хозяина — всё отошло за край стола. Остались тёплая кожа под его пальцами и странная, неуместная мысль: оказывается, на ладони столько нервов.

— Тебе идёт, — сказал он.

— Пятно?

— Что у тебя есть вещь, которую ты сделала сама.

Она убрала руку не сразу. Сделала вид, что ищет в сумке салфетку, и целую минуту не могла пошевелить пальцами.

На обратном пути девочка уронила бумажный пакет. Апельсины покатались по мокрым камням. Александр шагнул через один и остановился только тогда, когда Мари присела собирать остальные.

Несколько секунд он стоял неподвижно. Потом поднял плод у колеса припаркованной машины.

Девочка поблагодарила обоих и побежала к матери.

— Ты сердишься, — сказал он.

— Не хочу объяснять взрослому человеку, зачем поднимать апельсин.

— Я привык замечать то, что может причинить вред.

— Остальное тоже существует.

Они переждали новый дождь под узким навесом закрытой лавки. Вода стекала с брезента частыми прозрачными нитями; напротив продавец прятал книги под полиэтилен. Александр встал с той стороны, откуда сильнее дуло.

— Ты всё время заслоняешь меня, — заметила Мари.

— Дождь тоже предпочитает выбирать сама?

— Дождь — нет. Место, где мокнуть, — возможно.

Она нарочно шагнула на край. Холодная капля упала за воротник. Мари вздрогнула; он отвернулся, пряча улыбку.

— Даже не думай говорить.

— Ничего не сказал.

Она вернулась под навес и оказалась ближе, чем собиралась. Александр посмотрел вниз, на её лицо. От его пальто пахло шерстью и дождём. Мари вдруг захотелось, чтобы он взял её за плечи, развернул к себе и перестал быть осторожным хотя бы на один вдох.

Он не сделал этого. Только в кармане пальто сжал руку в кулак — она видела, как напряглась ткань.

— О чём ты думаешь? — спросила она.

— О том, что помню, как ты ненавидела мокрые волосы. И не знаю, ненавидишь ли сейчас.

Мари медленно выдохнула.

— Ненавижу. Особенно когда они начинают жить вместо меня.

Он поднял руку и убрал прядь, прилипшую к её щеке. Костяшки коснулись кожи. Она непроизвольно подалась к этому прикосновению, затем отступила — не от него, от собственной поспешности.

На другой стороне улицы продавец книг выругался: вода просочилась под плёнку. Мари воспользовалась этим как спасением, перебежала дорогу и помогла занести нижнюю коробку внутрь. Александр взял две остальные.

Хозяин благодарил их так шумно, что маленькое помещение наполнилось голосом. На прилавке лежали разрозненные страницы старого атласа. Мари машинально поправила лист, положенный лицом к мокрому дереву.

— Вы занимаетесь книгами? — спросил хозяин на английском.

— Вещами, которые кому-нибудь жалко выбрасывать.

— Значит, почти всем на свете.

Он подарил ей открытку с пристанью. Современную, дешёвую, с неправдоподобно синим морем.

Позже Мари долго рассматривала её. Иногда изображение воды было всего лишь изображением воды. Она вложила открытку в карман рядом с опасным старым снимком, словно поселила туда свидетеля нормальной жизни.

Вечером он принёс ужин к Дефне. Её мать задремала перед телевизором, сама Дефне уехала в редакцию. Мари открыла балконную дверь,пуская прохладу. После дождя город пах пылью, морем и нагретой проводкой.

Александр вышел следом. На нём была чёрная рубашка; без пальто он казался ближе и опаснее именно этой близостью. Мари внезапно увидела, как легко могла бы коснуться его шеи.

— Я боюсь, что это мне не принадлежит, — сказала она.

Он не переспросил.

— То, что ты чувствуешь?

— Я тебя не знаю. И всё равно, когда тыходишь, я сначала замечая, что снова могу дышать. А потом перестаю.

Он опустил взгляд на её губы и сразу поднял обратно. В этом коротком движении было столько сдерживаемого желания, что Мари вцепилась в перила.

— Мы можем не торопиться.

— Ты говоришь так, будто сам можешь.

— Я могу остановиться.

Она сделала шаг к нему.

— А если я не хочу?

Его рука поднялась к её лицу. Остановилась совсем близко.

— Можно?

— Да.

Прикосновение оказалось нежным, почти осторожным. Это и разрушило её последнюю защиту. Мари ухватила за ворот его рубашки и сама притянула его к себе.

Он поцеловал её с такой силой чувства, что город на мгновение исчез. Остались его ладонь у щеки, запах дождя, низкий сорвавшийся выдох. Она ответила жадно, сердито, будто сердилась на все дни, когда не знала этого человека, и на все годы, когда, возможно, знала слишком хорошо.

Александр первым отстранился на расстояние одного дыхания.

— Мари.

— Не спрашивай сейчас, жалею ли я.

— Я хотел сказать, что ты дрожишь.

— Ты тоже.

Она не дала ему ничего добавить. Ладони сами нашли его лицо, и вторая волна оказалась не похожей на первую: в ней не было вопросов. Мари потянула его за ворот; он развернул её, и спина встретила косяк балконной двери. Холодное дерево, горячие губы, одна рука на

затылке, другая — на пояснице, под краем блузки. Шершавая ладонь легла на голую кожу, и по позвоночнику прошёл ток, от которого у неё подогнулись колени.

Она прикусила его нижнюю губу. Он глухо, сорванно застонал, и этот звук отозвался у неё внизу живота такой тяжёлой горячей волной, что Мари испугалась собственной жадности. Она расстегнула две верхние пуговицы его рубашки и прижала ладонь к груди: сердце билось в неё, как в закрытую дверь.

— Мари... — выдохнул он ей в губы. — За стеной твоя хозяйка.

— Её мать, — поправила она. — Спит.

— Я предпочёл бы, чтобы она не проснулась.

— А я предпочла бы, чтобы ты замолчал.

Он тихо засмеялся и поцеловал её в шею под ухом. Справа.

Мари вскрикнула и зажала рот ладонью. Оба застыли. Из гостиной доносилось ровное посапывание и бормотание диктора.

Потом её разобрал такой смех, что пришлось уткнуться лбом ему в плечо. Он смеялся вместе с ней, беззвучно, всем телом, и она чувствовала этот смех изнутри, как собственный.

— Это нечестно, — прошептала она, когда смогла. — Именно там.

— Знаю. — Он всё ещё улыбался. — Я помню.

Он отступил на полшага и стал застёгивать рубашку. Пальцы слушались плохо.

— Если ты скажешь «останься», я останусь, — произнёс он. — Поэтому не говори.

Мари прижала ладони к горящим щекам.

— Не скажу. Я хочу, чтобы это было без чужой матери за стеной.

— Справедливо.

Он прислонился лбом к её лбу. Его суровое лицо было так близко, что она различала светлую нить в дымчатой радужке.

Ни одного воспоминания не вернулось.

От этого поцелуй стал дороже.

Он ушёл в одиннадцатом часу. Мари стояла на балконе, пока его шаги не затихли в переулке, и пыталась привыкнуть к тому, что щёки горят от одного воспоминания о чужих губах. Не из сна. Из сегодняшнего вечера.

Внизу, под фонарём на углу, кто-то стоял. Высокий мужчина в светлом пальто, с рукой за спиной, чуть склонив голову набок. Так, как стоят на трёх старых снимках в папке Александра.

Он смотрел на её окно.

Мари моргнула.

Под фонарём остался только круг света и мокрая брусчатка.

* * *

Утром Дефне предложила съездить к переплётчику, который много лет работал с Джемом. Тот сам позвонил после известия о смерти: у него оставалась неоплаченная работа и

коробка, которую нужно было кому-то передать. Сотрудникам он уже сообщил; Дефне хотел показать не коробку, а записи о старых заказах.

— Он не любит говорить в мастерской, — предупредила она. — Считает, что стены умеют повторять.

— А умеют?

— В его доме — через соседей.

Они встретились в маленькой закуской под эстакадой. Каждый раз, когда сверху проходил транспорт, ложка в стакане переплётчика тонко звенела. Мужчина придерживал её пальцем, не прерывая рассказа. Его звали Надир. На подушечках пальцев кожа была гладкой и блестящей, как у человека, который долго работал с клеем и бумагой.

Он говорил о Джеме раздражённо: тот вечно обещал забрать заказ во вторник и приходил в пятницу, приносил собственный материал, торговался, если видел чужую неуверенность. Дефне слушала, не поправляя портрет умершего. Мари постепенно поняла, что раздражение удерживает Надира от слёз.

— Он не был хорошим заказчиком, — повторил тот. — Но знал, когда мне не хватает денег. Тогда почему-то сразу находилась срочная работа.

Надир достал старую записную книжку. Не дал её в руки, сам перелистывал, прикрывая ладонью чужие имена. Остановился на строке с размерами футляра.

— Вот это я делал несколько раз. Потом отказался.

— Почему? — спросила Дефне.

— Материал пах сыростью. Не просто лежал в плохом месте. Его приносили сухим, а внутри через неделю появлялись пятна. Клиент жаловался на меня. Я не могу отвечать за то, что кладут в сделанную мной вещь.

Мари попросила описать пятна. Надир посмотрел на неё с новым интересом: профессиональный вопрос оказался легче тревожных слов о фонде.

Он объяснил, где отсыревала ткань, как коробилась прокладка, почему сменил клей. Мари спросила, были ли следы на самом стекле. Надир не видел: работал только с упаковкой, предметы ему не оставляли. Иногда приносили шаблон из обычного оконного стекла.

Это было важное ограничение. Дефне повторила его вслух, чтобы записать правильно. Надир заметно успокоился. Он боялся, что его заставят признаться в знании того, чего он действительно не знал.

— Последний заказ отличался, — сказал он. — Для бумаги. Две части отдельно. Джем сам сказал: не склеивать, не выравнивать, ничего не улучшать. Я посмеялся. Если ничего не улучшать, зачем переплётчик?

Мари прижала ладонь к сумке.

— Когда?

Надир сверился с записью. Незадолго до отправки посылки. Значит, он говорил о защитном футляре, а не о происхождении самого разрыва. Мари почувствовала, как слишком быстрый вывод опускается обратно на место.

— Он просил сохранить повреждения? — уточнила она.

— Да. Я решил, что собирается кому-то показать подлинность. У старых бумаг иногда складка важнее подписи.

Мари вспомнила слова Валентины Павловны и заметку «вспомнила, не проверено». Разные люди, ничего не знавшие друг о друге, возвращали её к одной и той же привычке: сначала смотреть на предмет, потом на историю, которую к нему приложили.

Надир достал из книжки чек. Попросил передать тому, кто будет разбирать дела Джема. Долг был небольшим. Он смущался из-за него так сильно, что Мари хотелось немедленно заплатить. Но чек относился к работе, а не к её попытке облегчить собственную вину. Она спросила, можно ли передать контакт семье. Надир согласился.

На улице Дефне остановилась под козырьком и позвонила Тунчу. Мари осталась возле витрины. В стекле отражался мужчина, стоявший у газетного киоска. Светлое пальто. Рука за спиной.

Сердце ударило так сильно, что в ушах зашумело. Мари не повернулась сразу. Достала телефон, будто читала сообщение, и посмотрела через отражение ещё раз. Мужчина сдвинул газету, поднял голову. Совсем другое лицо. Молодой, усталый, с пластырем на подбородке.

Она села на край низкой ограды. Дефне закончила звонок и подошла.

— Что случилось?

— Ничего. Мне показалось.

— Что именно?

Мари рассказала про фигуру под фонарём. Дефне не сказала, что надо было сообщить сразу. Только спросила, есть ли камера у дома и может ли Мари указать время приблизительно.

— Я боюсь начать видеть его везде, — призналась Мари.

— Тогда будем записывать и то, где оказался не он.

Они отметили время на телефоне. Дефне показала Мари случайного прохожего уже без пальто: он снял его, чтобы поправить лямку сумки. Обычное тело, согнутая шея, смешно задрывшаяся рубашка. У страха отняли один силуэт. Остальные ещё оставались.

По дороге к остановке им позвонил Надир. Голос теперь был совсем другим.

— Мне сейчас предложили забыть, что Джем у меня что-то заказывал, — передала Дефне после разговора. — Он говорит, звонили с незнакомого номера. Обещали оплатить все долги.

Мари остановилась.

— Он согласился?

— Он позвонил мне. Больше я пока не знаю.

Они не вернулись в закусочную. Дефне снова связалась со следователем, передала слова и попросила проверить безопасность переплётчика. Мари чувствовала беспомощное желание немедленно пойти и встать возле его двери. Это казалось действием только потому, что включало движение.

— Мы его подставили?

Дефне посмотрела на неё.

— Он сам обратился. Но да, после разговора могли начать давить сильнее. Я не знаю.

Ответ не успокаивал. И всё же Мари предпочла его обещанию, что всё обязательно будет хорошо.

У остановки она купила воду и протянула Дефне. Та выпила почти половину, не заметив. Над ними сменился сигнал светофора, толпа шагнула на дорогу, они остались на месте.

— Мне нужно что-нибудь делать руками, — сказала Мари.

— Поедем в редакцию. Там можно разобрать сканы.

В редакции пахло разогретой едой и перегретой техникой. Никто не поднял голову торжественно при их появлении. Коллега Дефне выругался на зависший файл, девушка у окна спорила с героем совсем другой статьи. Мари это успокоило. Их история не поглотила весь мир, хотя упорно пыталась.

На большом экране снимок 1913 года выглядел хуже, чем в телефоне. Стали видны потёртости и мелкие дефекты, которые маленький дисплей сглаживал. Мари сравнила скан с фотографией своего отпечатка. В одном месте линия на бумаге обрывалась, хотя на изображении негатива шла дальше.

— Повреждение копии, — сказала она.

Дефне сделала пометку.

— Важно?

— Не знаю. Надир просил не исправлять. Я теперь тоже не хочу исправлять заранее.

Они сохранили отдельные версии файлов, чтобы не перепутать исходник и усиленный контраст. Мари записала, какое изображение откуда получено. Работа заняла всего двадцать минут, но после неё предмет снова стал конкретным: бумага, нанесённое изображение, позднейшие следы. Три разных времени, которые раньше слипались в одно слово «фотография».

Перед уходом Дефне получила короткое сообщение. С Надиром связались сотрудники. Он дома, не один, телефонный разговор сохранил. Мари почувствовала облегчение, от которого заболели плечи: оказывается, всё это время держала их поднятыми.

— Он передал тебе, — сказала Дефне, глядя в экран. — Не суй бумагу в обычный пластик. Иначе он зря делал футляр.

Мари улыбнулась. В этой сердитой заботе о материале было больше жизни, чем во всех обещаниях вечности, которые они читали на сайте фонда.

Глава 10

Аукцион тишины

У Сафие были белые волосы, безупречно вычищенные очки и привычка гладить большим пальцем край чашки. В её антикварной лавке пахло воском; на полке возле кассы стоял снимок молодой женщины в выпускной мантии.

— Дочь? — спросила Мари.

— Эдже.

— Живёт здесь?

Сафие посмотрела мимо неё.

— Сейчас далеко.

Александр ждал у двери. Сафие заметила его и перестала гладить чашку.

— Джем сказал, вы можете найти вторую половину снимка, — продолжила Мари.

— После сегодняшнего вечера. Я слишком долго хранила вещи, которые принадлежали не мне.

Она передала Мари бумажное приглашение и тонкий футляр со старинной заколкой. Мари не взяла футляр.

— Мне хватит собственных вещей.

— Как хотите. Там любят узнавать человека по цене того, что на нём надето.

— Значит, им придётся потрудиться.

На вечер она выбрала тёмно-зелёное платье с закрытым горлом. Ника, увидев её по видеосвязи, сначала велела не забыть поесть, потом попросила повернуться к свету.

— Очень красиво. И очень похоже, что ты собираешься обмануть коллекционера.

— Посмотреть на коллекционеров.

— Ну да. Именно так они обычно и теряют деньги.

Дефне уехала раньше — занять место у входа и расставить людей Тунча. Александр пришёл за Мари сам и ждал в прихожей, делая вид, что рассматривает полку с чужими книгами.

Платье застёгивалось на спине: двадцать маленьких крючков от талии до затылка. Мари справилась с одиннадцатью, поняла, что дальше не дотянется, изогнулась перед зеркалом, поймала зубами прядь волос и выругалась.

По-французски. Коротко, ёмко, с таким безупречным произношением, что она сама замерла, не понимая, откуда это взялось.

За её спиной хмыкнули.

— Вот и она, — сказал Александр.

Он стоял в дверях, прислонившись плечом к косяку. Тёмный костюм, белая рубашка и лицо, на котором на секунду исчезла вся его суровость.

— Я не знаю французского.

— Знаешь. Ты всегда так ругалась. — Он оттолкнулся от косяка. — Позволишь?

Он редко пользовался этим словом. Мари кивнула и осталась лицом к зеркалу.

Он подошёл вплотную. Не касаясь, но она ощутила тепло его груди сквозь тонкую ткань, как рядом с печью. Пальцы осторожно взяли первый свободный крючок. Щёлк. Потом второй. Они поднимались вдоль позвоночника неторопливо, и каждый щелчок отдавался у неё в животе.

— Ты когда-нибудь это делал? — спросила она хрипло.

— Расстёгивал чаще.

Она засмеялась и тут же перестала: на пятнадцатом крючке его костяшки скользнули по лопатке, и дыхание стало неровным. Мари смотрела в зеркало на них двоих: высокий мужчина за спиной женщины, склонённая голова, внимательные пальцы. И собственное лицо, незнакомое, с приоткрытыми губами и тёмными глазами.

Семнадцатый. Восемнадцатый. Он дышал ей в затылок.

— Мы опоздаем, — выговорила она.

— Знаю.

На девятнадцатом ладонь легла ей на поясницу, чтобы придержать ткань, и осталась там. Мари закрыла глаза. Если он сейчас наклонится и поцелует эту обнажённую полоску кожи над последним крючком, ей придётся его остановить. Или не придётся.

Он наклонился.

Не поцеловал. Просто задержал губы в сантиметре от кожи, так, что она почувствовала дыхание. Потом выпрямился и застегнул последний крючок.

— Всё, — сказал он ровно.

Только голос подвёл: хрипел.

Мари обернулась. Он смотрел на высокий воротник, закрывавший ей горло, и на то, как ткань облегает плечи. Взгляд скользнул вниз и вернулся к её лицу — тяжёлый, чёрный, голодный. Жар под высоким воротником стал таким, что захотелось расстегнуть его самой.

— Ты ничего не скажешь?

— Если скажу, мы никуда не поедem.

Мари взяла сумочку. Пальцы почти не слушались.

— Тогда молчи. — Она обошла его и остановилась у двери. — Но потом скажешь.

По дороге к павильону Дефне позвонила снова. Машина остановилась в потоке; водитель терпеливо ждал, пока перед ним выгрузят из фургона длинную коробку, загородившую улицу.

— Я нашла человека, который печатал ранние приглашения, — сказала Дефне. — По конверту Севин. Он помнит заказ, потому что они трижды меняли название организации, а макет оставляли прежним.

Мари выпрямилась.

— Тот же номер?

— Номер привёл к типографии. Всё остальное ещё нужно подтверждать. Хозяин сохранил переписку, но сначала хочет поговорить с адвокатом.

— Боится?

— Говорит, что боится потерять клиентов. Возможно, это слово ему легче произнести.

Водитель обернулся, спрашивая, объехать ли затор. Александр покачал головой. Мари следила за коробкой: двое рабочих не могли повернуть её в узкий проход, спорили, ставили на землю, поднимали снова.

— Что в переписке? — спросила она.

— Правка, которую он запомнил. Было «встреча для участников и членов семьи». Попросили убрать семью. Он предложил расширить приглашение, чтобы сохранить строку. Ему объяснили, что дело не в месте.

Мари посмотрела на своё бумажное приглашение. Тяжёлая гладкая поверхность, золочёная буква, красивый бесполезный отступ внизу. Кто-то действительно мог убрать человека из текста так же, как убирают лишний знак.

— Ты передала Тунчу?

— Да. Но сегодня это нам ничего не даст. Не пытайся поймать их этой фразой на вечере. Они скажут, что формат изменился.

— Он действительно мог измениться.

— Именно.

После звонка Мари положила приглашение в сумочку. Александр смотрел в окно. Она знала, что он услышал достаточно, и ждала, спросит ли остальное. Он спросил.

Она рассказала. Впервые за день они обсуждали вещь, которая не требовала от одного узнавать, а от другого скрывать. Номер заказа, старый макет, хозяин типографии. Почти обычная работа.

— Как у них получается? — спросила Мари. — Столько людей что-то видят, а вся картина не собирается.

— Каждому показывают его часть.

— Ты говоришь как человек, который это делал.

Александр посмотрел на неё.

— Да.

Она не знала, относилось ли признание к фонду или к долгой жизни, состоявшей из чужих имён. Времени расспросить не осталось: коробку наконец внесли, поток двинулся. Но Мари запомнила ответ. Сегодня ей предстояло собирать части, которые люди добровольно считали слишком маленькими, чтобы отвечать за целое.

У павильона стояла девушка с планшетом. Она быстро нашла фамилию Мари, чуть дольше смотрела на имя Александра, затем улыбнулась профессионально широкой улыбкой. Приглашение не взяла, только коснулась края.

— Для частного просмотра нужен отдельный браслет, — сказала она по-английски.

Мари показала запястье.

— Это обязательно?

— Только если вы захотите войти в закрытую часть.

— А если передумаю там?

Девушка моргнула.

— Вы сможете выйти, конечно.

Рядом появился старший сотрудник и назвал её по имени. Она мгновенно повернулась, забыв закончить фразу. Мари заметила, что планшет погас раньше, чем тот подошёл.

Александру выдали другой браслет. Цвет отличался едва заметно, но застёжка была плотнее. Мари посмотрела на них рядом.

— Нас будут водить по разным залам?

— Категории доступа, — объяснил сотрудник.

— Мы пришли вместе.

— Разумеется.

Он улыбнулся, но браслеты не заменил.

У гардероба Мари отстала на несколько шагов. Женщина перед ней не могла снять пальто: цепочка зацепилась за подкладку. Муж нервничал, очередь росла. Мари помогла расцепить звенья. Под пальто оказалось простое тёмное платье, явно выбранное ради удобства, а не ради вечера.

— Первый раз? — спросила женщина по-русски, услышав, как Мари обратилась к Александру.

— Да.

— Мы второй. В прошлый раз муж очень устал, пришлось уйти раньше. Но ему сказали, что так бывает в начале.

Муж стоял возле стойки и смотрел на номерок так, будто пытался запомнить его навсегда. На руке был браслет третьего цвета.

— Вы на выставку? — спросила Мари.

— И на беседу. Нам рекомендовали. Муж потерял мать, потом начались трудности со сном. Здесь хотя бы слушают.

Она произнесла последнее без восторга, как усталое объяснение разумного выбора. Мари не смогла сказать ничего резкого про подозрительный фонд. Перед ней не было доверчивой дурочки. Была женщина, которая уже перепробовала много дверей и наконец вошла в ту, где имелся свободный стул.

— Вы сохранили приглашение? — спросила Мари.

— Конечно. А что?

— На нём есть расписание. Не отдавайте, если вас поведут куда-нибудь ещё. Я сама плохо ориентируюсь.

Это было всё, что она сумела сказать, не выдавая страха. Женщина улыбнулась и убрала бумагу глубже в сумку.

Александр ждал у входа. Он ничего не слышал, но по лицу Мари понял, что произошло что-то важное.

— Кто она?

— Не знаю. И меня это начинает пугать сильнее, чем если бы знала.

В телефоне появилось сообщение от Дефне: фотографировать номера работ, не трогать оборудование, не отделяться без связи. Мари отправила описание женщины и цвета браслетов. Пока набирала, увидела, как к гардеробу подошёл пожилой мужчина без пальто. Он спросил что-то у сотрудницы; та указала на служебную дверь. Мужчина растерянно потёр запястье. Браслета на нём уже не было, но осталась красная полоса.

Мари сделала шаг в его сторону. Между ними оказался поднос с бокалами. Через секунду мужчина ушёл за сотрудницей, и спросить было некого.

Она остановилась посреди праздничного шума. Вся обстановка предлагала ей поверить, что беспокоиться неприлично: люди улыбались, музыкант настраивал инструмент, у цветов меняли воду. Тревога здесь выглядела дурными манерами.

Мари расправила плечи. Проверила, где выход, где Александр, где телефон в сумочке. Ей не нужно было доказывать окружающим, что она умеет вести себя на дорогих вечерах. Ей нужно было запомнить достаточно, чтобы после никто не смог объяснить всё одной красивой фразой.

В павильоне у воды играли на рояле. На стенах светились старые фотографии; официанты двигались между людьми в безукоризненных костюмах. Мари увидела названия из каталога. Перед каждой пластиной стоял небольшой чёрный прибор, похожий на футляр для очков.

Проходивший мимо официант предложил ей бокал. Мари взяла его, чтобы пальцы не выдали ничего лишнего.

Пожилой посетитель снял наушники у работы «Первый снег» и заплакал.

— Это не моё, — сказал он по-английски. — Я никогда там не был.

Сотрудница галереи подала ему салфетку. Объяснила, что инсталляция иногда вызывает «очень личный отклик».

У стены застыла женщина из обслуживающего персонала. Она смотрела на соседний футляр и держала тряпку так крепко, что побелели пальцы.

— Мама? — тихо произнесла она.

Её немедленно отвели за дверь.

Мари приблизилась к витрине. На табличке стояли слова «индивидуальная сессия» и «по предварительному согласованию». Цены не было. Это был знакомый ей антикварный приём: отсутствие цифры заранее определяло, кому позволено спрашивать.

Молодой сотрудник улыбнулся.

— Вам интересна методика?

— Мне интересно происхождение материала.

— Это часть закрытой коллекции. Мы не раскрываем персональные сведения участников.

— Они согласны на продажу?

Улыбка стала чуть осторожнее.

— Мы не продаём людей, госпожа.

— Я спросила о согласии.

Он собирался ответить заученной фразой, но рядом появился мужчина с золотым значком фонда на лацкане. Взял сотрудника под локоть, легко направил в сторону. Даже движение у них было организовано так, чтобы со стороны напоминать заботу.

— Вы коллекционер? — спросил мужчина.

— Антиквар.

— Тогда вы понимаете разницу между владением предметом и доступом к опыту.

Мари посмотрела на потемневшую пластину.

— Предмет можно осмотреть. Кто проверяет ваш опыт?

— Наши клиенты возвращаются.

— А те, кому он принадлежал?

Мужчина перестал улыбаться. Всего на секунду, но Мари увидела настоящее лицо раньше, чем на него вернулось выражение светского интереса.

— Вы очень серьёзно относитесь к художественной метафоре.

— Такая профессия. Под красивыми словами иногда продают подделку.

Он кивнул и отошёл. Мари проводила его взглядом до двери, за которой скрылась уборщица. У двери стоял охранник.

Пожилой посетитель, плакавший у «Первого снега», вытирал очки. На манжете осталась мокрая полоска.

— Я вспомнил дом, где никогда не жил, — сказал он жене. — И почему-то очень хочу туда.

Та поправила ему шарф, ласково и почти испуганно.

Мари отступила от витрины. Она вдруг поняла, что покупали эти люди: возможность пережить потерю, не оплачивая её собственной жизнью. Горевать о прекрасном чужом детстве и после сеанса спокойно вернуться к своему.

За стено

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.